

Новый триллер авторов "ГИПНОТИЗЕРА"

ЛАРС КЕПЛАЕР

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

MASTERDETECTIVE

CoRpus

18+

ВОСЬМАЯ КНИГА О ЙОНЕ ЛИННЕ,
ПЕРЕВОДИТСЯ НА 22 ЯЗЫКА

Комиссар полиции Йона Линна

Ларс Кеплер

Зеркальный человек

«Corpus (АСТ)»

2020

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Кеплер Л.

Зеркальный человек / Л. Кеплер — «Corpus (АСТ)»,
2020 — (Комиссар полиции Йона Линна)

ISBN 978-5-17-136921-7

По дороге домой из школы исчезает молодая девушка. Через пять лет ее находят убитой на детской площадке в центре Стокгольма. Благодаря камерам видеонаблюдения Йоне Линне удастся найти свидетеля – как выясняется, психически больного человека, который ничего не помнит. Йона обращается за помощью к гипнотизеру Эрику Барку. «Зеркальный человек» – восьмой роман серии о Йоне Линне. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-136921-7

© Кеплер Л., 2020
© Corpus (АСТ), 2020

Содержание

Пять лет спустя	18
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ларс Кеплер

Зеркальный человек

Published by arrangement with Salomonsson Agency

© Lars Kepler, 2020

© Л. Тепляшина, перевод на русский язык, 2022

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2022

© ООО «Издательство Аст», 2022

Издательство CORPUS ®

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

* * *

Темный, будоражащий, леденящий душу и безжалостный роман.
Брэд тор

Наводящий ужас, бьющий по нервам, талантливо написанный и невероятно мрачный. ЛарсКеплер обладает редкой способностью подводить вас к самому краю бездны и держать там до последней страницы.
Крис Уитакер

Примечательна способность Кеплера нагнетать напряжение на пути к ошеломляющим разоблачениям и совершенно закономерным разгадкам.
Publishers Weekly

1

Элеонор посмотрела в окно. За нематым стеклом порывы ветра гнали по улице пыль, гнули деревья и кусты.

Мимо школы словно лилась река.

Мутная, беззвучная река.

Прозвенел звонок, ученики собрали книги и тетради. Элеонор поднялась и вместе со всеми пошла к раздевалке.

Ее одноклассница Йенни Линд стояла возле своего шкафчика и застегивала куртку.

Лицо и светлые волосы отражались в неровной жестяной дверце.

Йенни красивая и не похожа на других. Взгляд у нее такой пристальный, что Элеонор делается не по себе, и щеки пылают.

Еще Йенни – творческая натура, она фотографирует и единственная из старшеклассниц читает книжки. На прошлой неделе ей исполнилось шестнадцать, Элеонор ее поздравляла.

До Элеонор никому нет дела, она не красавица и знает это, хотя Йенни как-то сказала, что хотела бы провести с ней фотосессию.

Сказала, когда они после физкультуры стояли в душе.

Элеонор оделась и пошла за Йенни к выходу.

Ветер нес вдоль белого фасада песок и прошлогодние листья, заметал их в школьный двор.

На флагштоке громко билась веревка.

На велосипедной парковке Йенни постояла, что-то крича и сердито размахивая руками, и ушла пешком. Элеонор сама проколола шины у ее велика, надеясь, что тогда у нее будет повод помочь Йенни доставить и велосипед, и рюкзак до дома.

Они бы тогда снова поговорили про фотосессию, про черно-белые фотографии – скульптуры из света.

Элеонор запретила себе фантазировать дальше, даже до первого поцелуя не добралась.

Следом за Йенни она проехала мимо стадиона «Баккаваллен».

Веранда ресторана была пуста, белые зонтики подрагивали на ветру.

У Элеонор не хватало духу догнать Йенни.

Элеонор тащилась метрах в двухстах за ней по тротуару параллельно с Эриксбергсвеген.

Облака неслись над верхушками елей.

Порыв ветра раздул светлые волосы Йенни, и они тут же закрыли ей лицо: мимо, сотрясая землю, проехал рейсовый автобус.

Вот и последние дома остались позади. Девочки оказались возле скаутского лагеря. Йенни перебежала через дорогу и продолжила путь.

Сквозь тучи пробилось солнце, по лугу неслись тени облаков.

Йенни жила в красивой вилле в Форшё, у самой воды.

Элеонор как-то простояла у ее дома больше часа. Она принесла книгу, которую Йенни потеряла и которую она, Элеонор, на самом деле спрятала. Элеонор тогда так и не решилась позвонить в дверь, просто сунула книжку в почтовый ящик.

Йенни остановилась под проводами, закурила и пошла дальше. Блеснули от солнца светлые пуговицы на рукаве.

За спиной у Элеонор послышался грохот тяжелой машины.

Задрожала земля: мимо пронеслась фура с польскими номерами.

В следующую секунду завизжали тормоза, и прицеп занесло в сторону. Фура круто свернула на обочину, через полоску травы выкатилась на пешеходную дорожку прямо за спиной у Йенни; наконец водитель остановил тяжелый грузовик.

– Что за!.. – донесся до Элеонор голос Йенни.

С синего тента текла вода, оставляя на грязном брезенте блестящие следы.

Дверь тягача открылась, из кабины вылез водитель. На широкой спине натянулась черная кожаная куртка со странным серым пятном.

Кудрявые волосы почти до плеч.

Он широкими шагами направился к Йенни.

Мотор продолжал работать, и из хромированной трубы тонкой струйкой тянулись выхлопные газы.

Элеонор остановилась. И тут же увидела, как водитель бьет Йенни прямо в лицо.

Несколько петель тента съехали с креплений, и ветер раздул брезент, скрыв Йенни от Элеонор.

– Эй! – крикнула она и заторопилась вперед. – Вы что делаете?!

Когда тяжелый брезент опустился, Элеонор увидела Йенни – та лежала навзничь на пешеходной дорожке в нескольких метрах перед фурой.

Йенни подняла голову и растерянно улыбнулась; на зубах у нее виднелась кровь.

Брезент, ничем не удерживаемый, хлопал от ветра.

Элеонор на ватных ногах спустилась в канаву. Надо вызвать полицию. Дрожащими руками она достала телефон, но тут же уронила его.

Телефон упал в заросли сорняков.

Элеонор нагнулась за ним – и увидела, как Йенни отбивается ногами, а водитель крепко держит ее, подняв над землей.

Элеонор выбежала на дорогу и бросилась к фуру; загудела какая-то машина.

В солнечном свете сверкнули зеркальные очки водителя. Он вытер окровавленную руку о джинсы, поднялся в кабину, захлопнул дверцу, включил скорость и тронул машину с места, причем одно колесо так и катилось по пешеходной дорожке. Над сухой травой взвилась пыль; фура с грохотом выехала на дорогу и набрала скорость.

Элеонор остановилась, хватая ртом воздух.

Йенни Линд нигде не было.

На земле валялись затоптанная сигарета и рюкзак с учебниками.

Над пустой дорогой летела пыль, тучи пыли неслись через поля и изгороди. Ветер будет дуть над землей вечно.

2

Йенни лежала в просмоленной лодочке где-то на темном озере. Лодка поскрипывала, в борта плескали волны.

Очнулась Йенни от того, что ее сильно тошнило.

Пол ходил ходуном.

Болели плечи, запястья саднило.

Йенни поняла, что лежит на полу фуры.

Она связана, рот заклеен скотчем. Сама лежит на полу, а руки скованы над головой.

И не видно ничего – глаза как будто еще не проснулись.

Сквозь брезент просачивался рассеянный свет.

Йенни сморгнула, и перед глазами все смешалось.

Ее мучила ужасная дурнота, в голове пульсировала боль.

Где-то внизу гулко катились по асфальту огромные шины.

Йенни поняла, что руки у нее стянуты пластиковым ремешком и прицеплены к стальному каркасу тента.

Что же происходит? Ее ударили, повалили на землю и прижали ко рту и носу холодную тряпку.

Накатила волна ужаса.

Опустив глаза, Йенни увидела, что платье задралось до пояса, но колготки на месте.

Водитель гнал фуру вперед, не сворачивая, мотор работал на ровных оборотах.

Йенни отчаянно пыталась найти разумное объяснение происходящему. Но объяснение было одно: с ней происходит то, чего люди боятся больше всего на свете. Что показывают в фильмах ужасов и чего в реальности не должно происходить.

Бросив велосипед у школы, она пошла пешком, делая вид, будто не замечает, что Элеонор тащится следом. Внезапно у нее за спиной свернула, выехав на пешеходную дорожку, тяжелая фура.

Удар в лицо оказался таким неожиданным, что Йенни не успела среагировать; прежде чем ей удалось подняться, к лицу прижали мокрую тряпку.

Йенни понятия не имела, сколько времени пролежала без сознания.

Затекшие руки похолодели.

Голова кружилась, глаза на миг перестали видеть, но потом зрение вернулось.

Йенни лежала, прижавшись щекой к полу.

Она старалась дышать спокойно. Нельзя, чтобы ее вырвало, пока у нее заклеен рот.

В щели у борта прицепа застряла засохшая рыбья голова. В воздухе стояла густая сладковатая вонь.

Йенни снова подняла голову, моргнула и заметила в передней части прицепа железный шкаф с висячим замком и двумя большими пластиковыми поддонами. Поддоны удерживались на месте широкими ремнями, пол вокруг них был мокрым.

Йенни пыталась припомнить рассказы женщин, оставшихся в живых после нападения маньяка. Что делать? Сопротивляться или завести разговор о хризантемах, чтобы установить доверительные отношения?

Кричать сквозь скотч бессмысленно, ее никто не услышит – кроме, может быть, водителя.

Лучше вести себя тихо. Пусть водитель не догадывается, что она пришла в себя.

Извиваясь, Йенни поползла, напряглась всем телом, потянулась головой к рукам.

Прицеп повернул, и ее замутило.

Рот наполнился рвотой.

Мышцы дрожали.

Стяжка врезалась в кожу.

Онемевшими пальцами Йенни подцепила краешек скотча и сорвала его. Она сплюнула все, что скопилось во рту, легла на бок и попробовала тихо откашляться.

Из-за дряни, которой была пропитана тряпка, у Йенни что-то творилось со зрением.

Когда она смотрела на каркас, то видела его словно сквозь брезентовый тент.

Основания каркаса тянулись вверх, изгибались под углом в девяносто градусов, удерживали тент и опускались к противоположному борту.

Как балки, соединенные горизонтальными планками.

Йенни моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд. Оказывается, на противоположном борту этих планок нет – только брезент, натянутый на пять горизонтальных досок.

Это для того, поняла Йенни, чтобы сдвинуть брезент, когда прицеп загружают.

Если она сумеет со связанными руками пробраться вдоль опоры под потолком и спуститься у другого борта, то можно попробовать отогнуть брезент и позвать на помощь или хотя бы привлечь внимание какого-нибудь водителя.

Йенни попыталась поднять стяжку по опоре, но тут же застряла.

Острый пластик больно врезался в кожу.

Фура поменяла полосу, Йенни мотнуло в сторону, и она ударилась об опору виском.

Снова села, проглотила комок, вспомнила сегодняшнее утро и завтрак – подсушенный хлеб с мармеладом. Мама рассказывала, что тетке вчера вставили четыре стента в коронарную артерию.

Телефон Йенни лежал на столе рядом с чашкой. Звук она отключила, но поглядывала на экран всякий раз, как высвечивались новые уведомления. Отец рассердился. Решил, что раз дочь за столом смотрит в телефон, значит, ей наплевать на остальных. Йенни ужасно взбесила такая несправедливость.

– Чего ты все время ко мне цепляешься? Что я тебе сделала? Вечно всем недоволен! – И она выскочила из кухни.

Пол накренился, фура замедлила ход: дорога пошла в гору.

Солнце пробилось сквозь брезент и осветило грязный пол. Перед Йенни среди комков засохшей грязи и почерневших листьев лежал передний зуб.

Адреналин хлынул в кровь, Йенни заозиралась. Всего в метре от нее валялись два сломанных ногтя, покрытых красным лаком. На опоре заложла кровь, под обшивкой застрял волос.

– Господи, что же это, – забормотала Йенни, поднимаясь на колени.

Постояв, она сдвинула стяжку, чтобы не так резало запястья. Кровообращение начало восстанавливаться, в пальцы воткнулись тысячи иголок.

Дрожа всем телом, Йенни снова попыталась подтянуться, но стяжка опять застряла.

– Все нормально, – прошептала Йенни.

Надо сосредоточиться, нельзя поддаваться панике.

Йенни немного согнула руки, сдвинулась в сторону и поняла, что сможет проползти вперед вдоль нижней планки.

Дыхание участилось. Йенни, уговаривая себя, пробралась мимо неровностей в переднюю часть прицепа. Там она обеими руками схватилась за планку и потянула, но планка была приварена к последней опоре, и сдвинуть ее оказалось невозможно.

Йенни взглянула на железный шкаф. Висячий замок был открыт и болтался на дужке.

Снова накатила дурнота, но ждать было некогда, поездка могла закончиться в любую минуту.

Йенни, вытянув руки, наклонилась вбок, подальше от борта, напряглась и ухватила замок ртом. Осторожно вытащила его, опустилась на колени, положила замок на платье, осторожно развела ноги, и замок бесшумно соскользнул на пол.

Тяжелая фура повернула, и дверца шкафа открылась.

Йенни увидела целое собрание малярных кистей, банок, клещей, ножовок, ножей, ножниц, бутылей с чистящим средством и тряпок.

Пульс подскочил, в голове застучало.

Мотор теперь звучал по-другому: фура замедлила ход.

Йенни снова поднялась и потянулась в сторону. Удерживая дверцу головой, она смотрела на нож с грязной пластиковой ручкой. Нож лежал на полке между двумя банками краски.

– Господи, спаси меня, пожалуйста...

Фура резко повернула, и железная дверца с такой силой ударила Йенни по голове, что девушка на миг потеряла сознание и упала на колени.

Ее вырвало, но она снова поднялась. С запястий на грязный пол капала кровь.

Потянувшись вперед, Йенни ртом схватила рукоятку ножа. В тот же миг грузовик, отдуваясь, остановился.

Йенни со скрежетом потянула нож с полки.

Зажав нож во рту, она направила ржавое лезвие вниз, к рукам, приладила его к стяжке и принялась пилить.

3

Сжимая ржавый нож зубами, Йенни пыталась перепилить стяжку на руках, но лезвие оставило на пластике лишь неглубокую зарубку. Йенни зажала нож покрепче и надавила сильнее.

Йенни думала о папе. Какое у него сделалось грустное лицо, когда она утром кричала на него. Вспомнила поцарапанное стекло в наручных часах, папины беспомощные движения.

Во рту стало ужасно больно, но Йенни продолжала пилить.

По рукоятке ножа стекала слюна.

Закружилась голова. Йенни уже готова была сдаться, как вдруг перепиленная стяжка со щелчком распалась.

Йенни, дрожа, с размаху села на пол; нож со звоном упал. Йенни быстро вскочила, подобрала нож, подошла к правому борту и прислушалась.

Ничего.

Надо действовать быстро, но руки у нее так дрожали, что проткнуть брезент удалось не сразу.

Послышался тихий треск.

Йенни перехватила рукоятку и осторожно распорол тент снизу вверх, возле последней опоры. На несколько сантиметров расширила прореху и выглянула.

Они остановились на безлюдной автозаправке для тяжелых грузовиков. На земле валялись коробки из-под пиццы, промасленные тряпки и презервативы.

Сердце колотилось так, что трудно было дышать.

Ни людей, ни других машин.

Ветер гнал по асфальту пустой бумажный стаканчик.

Желудок скрутило, но Йенни удалось подавить рвотный позыв. Она сглотнула.

По спине ручьем лился пот.

Дрожащими руками Йенни распорол брезент еще и по горизонтали, над доской. Надо вылезти, убежать в лес и спрятаться.

Послышались тяжелые шаги и скрежет металла.

В глазах снова все поплыло.

Йенни взобралась на борт прицепа и постояла, держась за брезент и чувствуя, как ветер дует в лицо. Пошатнулась, уронила нож. Когда она посмотрела вниз, на землю, голова закружилась так, что Йенни показалось – фура сейчас опрокинется и перевернется.

Йенни прыгнула. Лодыжку пронзила жгучая боль, однако девушке удалось подняться и сделать шаг.

Кружилась голова, и идти прямо не получалось.

Каждое движение давалось с трудом, словно сам мозг сопротивлялся.

Ритмично гудел дизельный насос.

Сморгнув, Йенни двинулась вперед, и тут из-за прицепа показалась могучая фигура. Человек увидел ее. Девушка остановилась и попятилась на ватных ногах, думая, что ее сейчас опять вырвет.

Она подлезла под заляпанным грязью дышлом прицепа и стала смотреть, как фигура торопливо удаляется в другую сторону.

Мысли носились по кругу. Надо спрятаться.

Йенни поднялась на дрожащие ноги, понимая, что убежать в лес не получится.

Она же не знает, где теперь водитель.

Пульс застучал в ушах.

Надо выбраться на дорогу и остановить какую-нибудь машину.

Земля раскачивалась во все стороны, деревья гнулись, пожухлая трава на обочине дрожала под порывами ветра.

Водителя нигде не видно. А вдруг он обошел фуру и притаился за огромными двухосными колесами?

Держась возле прицепа, Йенни огляделась и основательно проморгалась, пытаясь понять, где выезд на шоссе.

Послышался шаркающий звук.

Надо бежать, надо спрятаться.

На подгибающихся ногах Йенни двинулась к хвосту прицепа. Мусорные баки, стенд с информацией, и вот – тропинка, ведущая в лес.

Совсем рядом заурчал мотор.

Йенни уперлась взглядом в асфальт, пытаясь собраться. Надо позвать на помощь. Вдруг рядом с ногой скользнула какая-то тень.

Огромная рука схватила ее за лодыжку. Йенни упала на бок, ударилась плечом об асфальт, в шее что-то хрустнуло. Водитель спрятался под прицепом и теперь тащил ее к себе. Йенни уцепилась за колесо, перевернулась на спину и стала лягаться свободной ногой. Попала по крышке, по подвеске, расцарапала лодыжку, вырвалась и поползла прочь.

Когда она поднялась на ноги, пейзаж перекосялся. Йенни сглотнула. Что-то стукнуло, послышались шаги. Йенни поняла, что водитель обегает прицеп.

Нырнув под шлангом бензинового насоса, она, стараясь идти быстро, двинулась к опушке леса. Обернулась и врезалась в какого-то человека.

– Э, в чем дело?

В высокой траве стоял и мочился полицейский. Йенни схватила его за куртку, но не удержалась на ногах и чуть не потащила его за собой.

– Помогите...

Полицейский оттолкнул ее. Йенни споткнулась, упала на колени, но успела выставить руки перед собой.

– Помогите, пожалуйста, – задыхаясь, проговорила она, и ее вырвало.

Земля качнулась, и Йенни упала на бок. Сквозь траву ей было видно, как подрагивает выхлопная труба полицейского мотоцикла.

Широкими шагами к ним приближался водитель фуры. Йенни повернула голову и, как сквозь поцарапанное стекло, увидела джинсы в пятнах и кожаную куртку.

– Помогите, – повторила она, изо всех сил сдерживая рвоту.

Йенни хотела подняться, но ее вырвало. Сквозь собственный кашель она услышала, как водитель заговорил с полицейским. Один голос произнес «дочка» и стал объяснять, что она не в первый раз сбегает из дому и напивается.

Живот снова скрутило, Йенни ощутила во рту привкус желчи, закашлялась, попыталась заговорить, но ее снова вырвало.

– Ну что мне с ней делать? Пригрозить, что мобильник отберу?

– Да уж, знакомо, – рассмеялся полицейский.

– Ну давай, малыш. – Водитель похлопал ее по спине. – Избавляйся от всего, тебе полегчает.

– Сколько ей? – спросил полицейский.

– Семнадцать. Через год будет сама принимать решения... Слушала бы, что я говорю, – поступила бы в гимназию, чтоб не быть дальнобойщицей.

– Прошу вас, – прошептала Йенни и вытерла скользкий от рвоты рот.

– А она не может проспаться в вырезвители? – спросил водитель.

– Раз ей семнадцать лет – нет, – объяснил полицейский и ответил на вызов по рации.

– Не уезжайте, – прохрипела Йенни.

Полицейский неторопливо зашагал к мотоциклу, на ходу заканчивая разговор с диспетчерской.

Где-то поблизости закаркала ворона.

Высокая трава, дрожа, гнулась под ветром. Йенни смотрела, как полицейский надевает шлем и перчатки. Нужно подняться. Йенни оперлась на руки. Головокружение едва не повалило ее, но Йенни удержалась и встала на колени.

Полицейский завел мотоцикл и тронул его с места. Йенни пыталась звать его, но он не слышал.

Переключил передачу и уехал, вспугнув большую ворону.

Йенни опустилась в траву, слушая, как хрустит гравий под тяжелыми колесами. Полицейский скрылся из виду.

4

Памеле нравилось, когда снег на трассе подтаивал и становился чуть рыхлым. Лыжи держались плотно и скользили с почти пугающей резкостью.

Они с Алисой, дочерью, подзагорели, хоть и мазались солнцезащитным кремом. А у Мартина сгорел нос и щеки под глазами.

Обедали они на террасе «Топпстюган». Солнце припекало так, что Памела с Алисой сняли куртки и остались в одних футболках.

У всех троих после тренировки болели ноги, и они решили завтра утром воздержаться от катания на лыжах.

Решили, что Алиса с Мартином отправятся ловить гольца, а Памела проведет время в спа-салоне при отеле.

В девятнадцать лет Памела, путешествуя по Австралии со своим приятелем Деннисом, встретила в каком-то баре парня по имени Грег и переспала с ним в бунгало. Уже дома, в Швеции, она поняла, что беременна.

Памела отправила в порт-дугласский бар письмо, адресованное Грегу, парню с глазами синими, как море. Грег ответил месяц спустя. Он писал, что у него есть подружка и что он готов оплатить аборт.

Роды были тяжелыми и закончились экстренным кесаревым сечением. Памела с девочкой выжили, но врачи посоветовали Памеле больше не рожать. Она поставила спираль, чтобы не забеременеть снова. Все это время Деннис был рядом, поддерживал ее и уговаривал поступить в архитектурный колледж, о котором Памела мечтала.

Проучившись пять лет и окончив колледж, Памела почти сразу нашла работу в небольшой стокгольмской фирме. А когда проектировала виллу на Лидингё, встретила Мартина.

Мартин был контролером со стороны застройщика. Объездивший всю страну, Мартин походил на рок-звезду в непринужденной обстановке: пристальный взгляд, длинные волосы.

В первый раз они поцеловались на вечеринке у Денниса. Съехались, когда Алисе исполнилось шесть лет, а через два года поженились. Теперь Алисе шестнадцать, она первый год в гимназии.

Часы показывали уже восемь вечера; за окнами отеля стемнело. Они заказали еду в номер, и в ожидании служащего с подносом Памела поспешила убрать разбросанные по всему номеру футболки и носки.

Мартин, стоя под душем, распевал *Riders on the Storm*.

План был такой: поесть перед телевизором, откупорить бутылку шампанского, а когда Алиса уснет, запереть дверь и заняться любовью.

Подхватив одежду Алисы, Памела вошла к дочери.

Алиса сидела на кровати в одном белье и с телефоном в руках. Она была похожа на Памелу в молодости: те же глаза, те же каштановые кудри.

– У фуры были краденые номера, – сказала Алиса, отрываясь от телефона.

Две недели назад СМИ сообщили, что в Катринехольме пропала девочка, ровесница Алисы. Ее избили и увезли в неизвестном направлении.

Звали девочку Йенни Линд, как легендарную оперную певицу.

К розыскам девочки и фуры с польскими номерами подключилась, кажется, вся Швеция.

Полиция обратилась к населению за помощью, люди звонили и писали, но следов девушки обнаружить пока не удалось.

Памела вернулась в гостиную, поправила подушки на диване и подняла с пола пульт от телевизора.

Темнота давила на окна.

Когда в дверь постучали, Памела вздрогнула.

Она уже собиралась открыть, когда из ванной вышел Мартин – напевающий, с улыбкой на лице и абсолютно голый, если не считать полотенца на мокрых волосах.

Памела втокнула его назад в ванную, где он и продолжил петь, и выпустила женщину с сервировочной тележкой.

Пока женщина расставляла тарелки на столе в гостиной – пение в ванной наверняка ее озадачивало, – Памела смотрела в телефон, чтобы чем-нибудь себя занять.

– С ним все в порядке, честное слово, – пошутила она.

В ответ женщина, не улыбаясь, протянула ей счет на серебристой тарелочке и попросила Памелу написать полную сумму и расписаться, после чего ушла.

Памела крикнула, чтобы Мартин выходил из ванной, позвала Алису, и все трое уселись на бескрайней кровати с тарелками и стаканами.

За едой они смотрели новый фильм ужасов.

Через час Памела и Мартин уже спали.

Когда фильм закончился, Алиса выключила телевизор, сняла с мамы очки, убрала тарелки и стаканы, выключила свет, почистила зубы и ушла к себе.

Угнездившийся в долине городок вскоре затих. Где-то в начале четвертого небо осветилось северным сиянием – как будто на выжженной земле выросли серебристо-голубые деревья.

Памела проснулась от того, что в темноте плакал какой-то мальчик. Тихий плач прервался раньше, чем она осознала, где находится.

Она лежала, не шевелясь, и думала о мучивших Мартина кошмарах.

Плач шел с пола рядом с кроватью.

Когда они только-только начали встречаться, Мартину часто снились кошмары о мертвых мальчиках.

Памелу тогда тронуло, что взрослый мужчина сумел признаться, что боится привидений.

Ей вспомнилась ночь, когда он проснулся с криком.

Потом они сидели на кухне и пили ромашковый чай. Волоски у Памелы на шее встали дыбом, когда Мартин описал призрак в подробностях.

Мальчик с серым лицом и аккуратно зачесанными волосами с запекшейся кровью. Нос сломан, один глаз повис на нерве.

Послышался еще один всхлип.

Памела окончательно проснулась и осторожно повернула голову.

Под окном тихо шумел радиатор. Теплый воздух поднимался к шторе, отчего она выгнулась, словно за ней прятался ребенок.

Хотелось разбудить Мартина, но Памела не решалась.

Тихий плач послышался снова – плакали где-то рядом с кроватью, на полу.

Сердце забило сильнее. В темноте Памела ощупью поискала руку Мартина, но рядом никого не было. Простыня успела остыть.

Памела подобрала ноги и сжалась. Ей вдруг показалось, что плачущий обходит кровать и приближается к ней, Памеле, но плач вдруг опять прекратился.

Памела, не видя в темноте собственной руки, осторожно потянулась к стоявшему на тумбочке ночнику.

Ей показалось, что вчера ночник стоял ближе.

Напряженно вслушиваясь, она нащупала цоколь, потом провод.

От окна донесся плач. Памела наконец нащупала выключатель.

Поморгав от внезапного света, она надела очки, вылезла из кровати и увидела, что Мартин в пижамных штанах лежит на полу.

Ему снилось что-то ужасное; щеки были мокры от слез. Памела опустилась на колени рядом с мужем и положила руку ему на плечо.

– Милый, – вполголоса позвала она. – Милый, тебе...

Мартин закричал, широко открыв глаза.

Он растерянно моргнул несколько раз, оглядел гостиничный номер и снова перевел взгляд на Памелу. Губы двигались, но он не мог произнести ни слова.

– Ты упал с кровати.

Мартин сел, привалившись к стене, вытер рот и уставился перед собой.

– Что тебе приснилось?

– Не знаю, – прошептал Мартин.

– Кошмар?

– Не знаю. У меня сердце сейчас выскочит, – проговорил Мартин, снова забираясь в кровать.

Памела легла рядом и взяла его за руку.

– Тебе снятся кошмары. Это плохо.

- Да уж, – улыбнулся он, глядя ей в глаза.
- Но ты же знаешь, что все не на самом деле.
- Точно?
- Это не настоящая кровь, это кетчуп, – пошутила Памела и ущипнула мужа за щеку.

Потушив свет, она притянула мужа к себе. Они занялись любовью, стараясь не шуметь, а потом заснули, прижавшись друг к другу.

5

После завтрака Памела лежала в кровати, читая в айпэде газеты. Мартин с Алисой собирались на рыбалку.

Солнце уже взошло, и с прозрачных сосулек за окном закапало.

Мартин, поклонник подледной рыбалки, до бесконечности мог говорить о том, как хорошо лежать на животе и, прикрываясь от света, смотреть в прорубь, где плещется вода и подплывают крупные гольцы.

Консьерж отеля рекомендовал Калльшён – озеро при реке Индальсэльвен. Рыбы там много, туда легко добраться на машине, но место спокойное.

Алиса поставила у двери тяжелый рюкзак, повесила на шею упоры для льда и зашнуровала ботинки.

– Я уже начинаю жалеть, что выбрала рыбалку, – сказала она и выпрямилась. – Массаж, уход за лицом – прямо завидно.

– Я буду наслаждаться каждой секундой, – улыбнулась Памела – она еще не вылезла из кровати. – Я...

– Ну хватит, – перебила Алиса.

– Плавание, сауна, маникюр...

– Хватит, хватит, хватит!

Памела набросила халат, крепко обняла дочь, поцеловала Мартина и пожелала им ни хвоста, ни чешуи – по ее понятиям, так полагалось.

– Не задерживайтесь там. И будьте поосторожнее.

– Не скучай без нас, – улыбнулся Мартин.

Кожа у Алисы почти светилась, из-под шапки выбились рыжевато-каштановые кудри.

– Застегни куртку до горла, – велела Памела.

Она погладила Алису по щеке и не убирала ладонь, пока не почувствовала нетерпение дочери.

Две маленькие родинки под левым глазом Алисы всегда наводили Памелу на мысль о слезах.

– Ну что? – улыбнулась Алиса.

– Отдыхайте.

Муж с дочерью ушли. Памела стояла в дверном проеме и смотрела, как они удаляются по коридору. Наконец оба скрылись.

Закрыв дверь, она вернулась в спальню – и замерла: что-то скрежетнуло.

Пласт белого снега съехал с крыши, пролетел мимо окна и тяжело плюхнулся на землю.

Памела надела бикини, махровый халат и тапочки, бросила в тканевую сумку ключ-карту, телефон и книжку и вышла.

В спа-зоне было пусто: все гости на склонах. Вода в большом бассейне сверкала, в ней отражался темневший за окном заснеженный лес.

Памела положила свой мешочек на столик между шезлонгами, сняла халат и направилась к скамье, на которой лежали свернутые чистые полотенца.

Вдоль стены бассейна тянулась аркада.

Памела погрузилась в теплую воду и медленно поплыла. Проплыв десять дорожек, она задержалась в дальнем торце, перед панорамным окном.

Ей захотелось, чтобы Мартин и Алиса были с ней.

«Волшебство какое-то», подумала она, глядя на горы и еловый лес в лучах солнца.

Отработав еще десять дорожек, она вылезла из воды и устроилась почитать в шезлонге.

Подошел молодой служащий, спросил, не хочет ли она чего-нибудь. Памела попросила бокал шампанского, хотя было еще утро.

С высокой ели сполз пласт снега. Ветви качнулись, снежинки закружились на солнце.

Прочитав еще три главы, Памела допила шампанское, сняла очки и ушла в парную, где задумалась о повторяющихся кошмарах Мартина.

Когда он был маленьким, его родители и двое братьев погибли в автоаварии. Мартина выбросило через лобовое стекло, он расцарапал об асфальт всю спину, но остался жив.

Когда Памела познакомилась с Мартином, ее лучший друг Деннис работал психологом в молодежной клинике, его специализацией было проживание горя. Благодаря Деннису Мартин раскрылся, рассказал о потере и чувстве вины, которые тащил за собой, как плавучий якорь.

Основательно пропотев, Памела приняла душ, надела сухое бикини и отправилась в массажный кабинет. Там ее встретила женщина с покрытыми шрамами щеками и грустным взглядом.

Памела сняла лифчик и легла на живот. На бедра ей набросили полотенце.

У массажистки были жесткие руки; теплое масло пахло зелеными листьями и деревом.

Памела закрыла глаза, чувствуя, как рассеиваются мысли.

В голове всплыла картинка: Мартин и Алиса, не оглядываясь, уходят от нее по пустому коридору.

Пальцы женщины спустились по позвоночнику до края полотенца. Женщина помассировала ягодицы, так, чтобы бедра немного раздвинулись.

После массажа и маски для лица Памела собиралась вернуться к бассейну, заказать бокал вина и бутерброд с креветками.

Женщина набрала еще теплого масла, руки скользнули по ребрам, от талии к подмышкам.

В кабинете было тепло, но Памелу пробрала дрожь.

Наверное, просто мышцы расслабляются.

Она снова подумала про Мартина и Алису, и ей почему-то представилось, что она смотрит на них с высоты.

Озеро Каллышён расположено между горами, лед на нем серый, как сталь. Мартин с Алисой – просто черные точки.

Закончив массаж, женщина накрыла Памелу теплым полотенцем и вышла.

Памела немного полежала, потом осторожно встала и надела лифчик.

Сунула ноги в мокрые холодные тапочки.

Вдалеке простучал вертолет.

Памела перешла в кабинет дерматолога – блондинки лет двадцати на вид.

Во время глубокого очищения и пилинга Памела задремала. Дерматолог как раз готовила маску из глины, когда в дверь постучали.

Врач извинилась и вышла из кабинета.

Памела услышала, как мужской голос что-то торопливо говорит, но слов разобрать не смогла. Через минуту женщина вернулась. В глазах у нее было странное выражение.

– Мне очень жаль, но, похоже, произошел несчастный случай.

– Какой, что еще за несчастный случай? – Памела говорила слишком громко.

– Говорят, опасности нет, но вам, наверное, придется поехать в больницу.

– В какую? – Памела достала из мешочка телефон.

– В Эстерсунде. В больницу в Эстерсунде.

6

Идя по гостиничному коридору, Памела не замечала, что халат у нее развязан. Она набрала номер Мартина и с нарастающей тревогой стала вслушиваться в гудки.

Никто не ответил. Памела побежала, потеряла тапку, но не стала возвращаться за ней.

Из-за мягкого коврового покрытия шаги звучали глухо, будто она бежала под водой.

Памела позвонила Алисе, но телефон переключился на голосовую почту.

Нажав кнопку лифта, Памела сбросила вторую тапочку и дрожащими пальцами снова набрала номер Мартина.

– Возьми трубку, – шептала она.

Не дождавшись лифта, Памела выбежала на лестницу и, держась за перила, помчалась сразу через две ступеньки.

На площадке второго этажа она чуть не упала, споткнувшись о забытое пластиковое ведро с мастикой для пола.

Памела обежала его и помчалась дальше, пытаясь понять слова блондинки.

Опасности нет.

Но почему они на звонки не отвечают?

Спотыкаясь, Памела ввалилась в коридор третьего этажа, пошатнулась, оперлась рукой о стену, побежала.

Задышавшись, она достала карту-ключ, вошла в номер и бросилась прямо к письменному столу. Потянувшись к трубке стационарного телефона, опрокинула подставку с брошюрами на пол, позвонила на стойку портье и попросила заказать такси.

Натянула одежду прямо на бикини, схватила сумочку, телефон и вышла из номера.

Сидя в машине, Памела продолжала набирать номера Алисы и Мартина и отправлять им сообщения.

Наконец она дозвонилась до больницы. Ответившая ей женщина заявила, что не может ничего сообщить.

Сердце зашлось, и Памела еле сдержалась, чтобы не наорать на женщину.

За окном мелькали стволы, с деревьев рушился снег. В солнечном свете темной стеной выстроились ели. По просеке протянулись заячьи следы. Дорога была мокрой от снежной каши.

Стиснув руки, Памела молилась, чтобы с Мартином и Алисой не случилось ничего ужасного.

Мысли проносились в голове с дикой скоростью. Сначала Памела увидела, как взятая в прокат машина, переворачиваясь, катится вниз по снежному склону, потом – как медведица ломится через ельник, еще потом – как рыболовный крючок впивается в глаз, как нога ломается прямо над ботинком.

Она позвонила Мартину и Алисе уже раз тридцать, она отправляла сообщения и электронные письма. Когда такси въезжало в Эстерсунд, ответа все еще не было.

Больничный комплекс оказался большим; коричневые здания, застекленные переходы блестят на солнце.

Снег таял, по асфальту бежала вода.

Водитель повернул и остановил машину у въезда для «скорых». Памела расплатилась и с гудящей от беспокойства головой вышла из машины.

Она торопливо прошагала вдоль коричневой стены, украшенной примечательным, похожим на дерево узором, пробежала, словно по загону, в приемный покой, на ватных ногах подошла к стойке регистратуры и назвалась. Собственный голос слышался ей, словно издалека.

Дрожащей рукой Памела протянула удостоверение личности.

Бородатый мужчина за стойкой попросил ее посидеть в приемной, но Памела осталась стоять, рассматривая собственные сапоги и черный коврик под ногами.

Наверное, можно поискать на новостных сайтах информацию об автомобильных авариях, но Памела не могла заставить себя взять телефон.

Еще никогда в жизни ей не было так страшно.

Памела сделала несколько шагов, обернулась и посмотрела на бородатого.

Ей казалось, что она не выдержит ожидания. Надо идти, искать мужа и дочь в разных палатах интенсивной терапии.

– Памела Нордстрём? – К ней подошла санитарка.

– Что произошло? Мне никто ничего не говорит. – Памела проглотила вставший в горле комок.

– Не могу сказать. Переговорите с врачом.

Они шли по коридору. Вдоль стен выстроились каталки, то и дело разъезжались двери с грязными стеклами.

В приемной плакала какая-то старуха. В аквариуме рядом с ней стайкой плавали блестящие рыбки.

Памела и санитарка вошли в отделение анестезии и интенсивной терапии. По коридору пробежали медсестры.

В отделении был сливочно-белый пол и пахло дезинфицирующими средствами.

Встретившая Памелу веснушчатая медсестра успокаивающе улыбнулась.

– Я понимаю, что вы волнуетесь, – сказала она, пожимая Памеле руку. – Но опасности нет. Все будет хорошо, честное слово. Скоро вы сможете поговорить с врачом.

Следом за медсестрой Памела вошла в палату интенсивной терапии. Ритмично всхлипывал аппарат искусственного дыхания.

– Что произошло? – еле слышно спросила Памела.

– Мы дали ему снотворное, но он вне опасности.

Мартин лежал в больничной кровати, изо рта у него торчала пластиковая трубочка. Глаза закрыты. Врачи подключили мужа к множеству аппаратов, которые измеряли сердечную деятельность, пульс, уровень углекислого газа и кислорода в крови.

– Но...

У Памелы перехватило дыхание, и она оперлась о стену.

– Он провалился под лед. Когда его обнаружили, он уже сильно пострадал от переохлаждения.

– Алиса, – пробормотала Памела.

– Какая Алиса? – улыбнулась медсестра.

– Моя дочь. Где моя дочь, где Алиса?

Памела сама услышала, какой взволнованный у нее голос, она себя не контролировала. Медсестра побледнела.

– Нам ничего не известно о...

– Они были на озере вместе, – закричала Памела. – Алиса была с ним, вы же не потеряли ее там? Она совсем девочка, вы... вы не могли ее там оставить!

Пять лет спустя

7

Говорят, когда одна дверь закрывается, Бог открывает перед тобой другую. Или хотя бы окно. Но иные двери остаются закрытыми, и высказывание звучит не утешительно, а издевательски.

Памела сунула в рот мятную конфету, раскусила.

Лифт с шумом поднимался в психиатрический стационар больницы Святого Йорана.

Напротив Памелы и у нее за спиной были зеркала, и ее лицо в бесконечном коридоре умножалось.

Перед похоронами она обрила голову, но теперь каштановые локоны снова спускались на плечи.

На первый день рождения Алисы после того, как ее не стало, Памела сделала под левым глазом татуировку: две точки. Там, где у дочери были родинки.

Деннис отправил ее в Центр кризисов и травм, и она мало-помалу научилась жить с утратой.

Она даже антидепрессантов теперь не принимает.

Лифт остановился, двери разъехались. Памела прошла по пустому вестибюлю, отметилась в регистратуре, оставила телефон.

– Вот и переезд, – улыбнулась женщина.

– Наконец-то.

Женщина убрала телефон в «карман», выдала Памеле жетон с номером, сунула карту в карт-ридер и открыла дверь.

Памела сказала «спасибо» и пошла по длинному коридору.

На полу, рядом с тележкой уборщицы, валялась окровавленная латексная перчатка.

Войдя в комнату дневного пребывания, Памела поздоровалась с санитаром и, как обычно, села на диван, ждать. Иногда Мартину требовалось много времени, чтобы приготовить.

Молодой человек, сидящий за шахматной доской, тревожно бормотал что-то себе под нос и едва заметно поправлял фигуры на доске.

Старуха, открыв рот, смотрела телевизор; женщина – по виду ее дочь – заговаривала с ней, но ответа не получала.

Было утро; на полу лежали блики яркого света.

Охранник взял телефонную трубку, что-то тихо ответил и вышел из комнаты.

За стеной раздавались гневные крики.

Пожилой мужчина в выцветших джинсах и черной футболке вошел в комнату, осмотрелся и сел в кресло напротив Памелы.

Мужчине было лет шестьдесят; худое лицо изрезано морщинами, глаза ярко-зеленые, а седые волосы собраны в хвост.

– Красивая блузка, – заметил он и подался к ней.

– Спасибо, – коротко ответила Памела и запахнула жакет.

– Сквозь ткань видно соски, – вполголоса пояснил мужчина. – Я вот это говорю – а они твердеют, я-то знаю... У меня в голове столько токсичной сексуальности...

Памеле стало так противно, что стукнуло сердце. Надо выждать пару секунд и вернуться к регистратуре, не выказывая страха.

Старуха, смотревшая телевизор, рассмеялась; молодой человек пальцем сбил черного короля.

Сквозь стены было слышно, как на кухне что-то гремит.

В вентиляционной решетке под потолком подрагивали клочья пыли.

Сидевший перед Памелой мужчина поправил джинсы в промежности и приглашающим жестом протянул ей руки. От локтей до самых запястий тянулись глубокие шрамы.

– Могу войти в тебя сзади, – ласково сказал он. – У меня два члена... Я секс-машина, честное слово, ты будешь кричать и плакать...

Мужчина резко замолчал, а потом с широкой улыбкой сказал, указывая на дверь в коридор:

– На колени! Вот он, сверхчеловек, патриарх...

Он хлопнул в ладоши и взволнованно рассмеялся: санитар ввез в комнату здоровяка в инвалидной коляске.

– Пророк, вестник, мастер...

Человека в инвалидном кресле, похоже, совершенно не занимали язвительные слова; он коротко сказал «спасибо», когда его подкатили к шахматной доске, и поправил висевший на груди серебряный крест.

Санитар отошел от кресла и, натянуто улыбаясь, приблизился к павшему на колени мужчине.

– Примус, ты что здесь делаешь?

– У меня гости. – Названный Примусом кивнул на Памелу.

– Ты же знаешь, что тебе можно выходить только на особых условиях.

– Я их неправильно понял.

– Поднимайся и не смотри на нее, – велел санитар.

Памела сидела, опустив глаза, но все равно чувствовала, что Примус, поднимаясь с колен, продолжает смотреть на нее.

– Выведите раба, – спокойно произнес человек в инвалидном кресле.

Примус повернулся и последовал за санитаром. Зажужжал кодовый замок, дверь, ведущая в отделение, закрылась, шаги обоих простучали по пластиковому покрытию и стихли.

8

Дверь, ведущая в коридор, снова открылась. Памела повернулась и увидела Мартина. Сопровождавший его санитар нес рюкзак.

Раньше светлые волосы Мартина свисали на спину, двигался он расслабленно, одевался в кожаные штаны и черные рубашки, а солнечные очки у него были с розовыми зеркальными стеклами.

Сейчас, на тяжелых лекарствах, он прибавил в весе, коротко стриженные волосы торчали во все стороны, а лицо стало бледным и приобрело тревожное выражение. Одет Мартин был в синюю футболку, спортивные штаны, на ногах – белые кроссовки без шнурков.

– Милый! – Памела с улыбкой встала с дивана.

Мартин покачал головой и испуганно взглянул на человека в инвалидном кресле. Памела забрала у санитара рюкзак.

– Мы гордимся тобой, – сказал санитар.

Мартин тревожно улыбнулся и показал Памеле ладонь, на которой он нарисовал цветок.

– Это мне? – спросила она.

Мартин торопливо кивнул и сжал ладонь.

– Спасибо.

– Я не могу купить настоящие цветы, – проговорил Мартин, не глядя на нее.

– Знаю.

Мартин потянул санитара за рукав и беззвучно зашевелил губами.

– Ты уже перебрал сумку, – сказал санитар и повернулся к Памеле. – Он хочет заглянуть в рюкзак, проверить, все ли взял.

– Хорошо. – Памела отдала сумку Мартину.

Мартин уселся на пол и стал доставать из рюкзака вещи, аккуратно выкладывая их рядом с собой.

За то время, что Мартин провел подо льдом, его мозг не пострадал.

Но после трагедии Мартин почти перестал разговаривать. Как будто каждое произнесенное им слово влекло за собой волну страха.

Похоже, все были уверены, что он страдает от посттравматического синдрома с параноидальными галлюцинациями.

Памела знала, что он не может переживать потерю Алисы сильнее, чем она сама, – это невозможно. Но она, будучи сильным человеком, понимала, что люди с разным жизненным опытом реагируют на травму по-разному. Семья Мартина разбилась в автоаварии, когда он был маленьким, а после гибели Алисы одна травма осложнилась другой.

Памела перевела взгляд на окно. Возле отделения психиатрической скорой помощи стояла «неотложка», но Памела смотрела – и не видела. Она перенеслась на пять лет назад, в больницу Эстерсунда, в отделение интенсивной терапии.

– ...Они были на озере вместе, – кричала Памела. – Алиса была с ним, вы же не потеряли ее там? Она совсем девочка, вы... вы не могли ее там оставить!

Веснушчатая медсестра смотрела на нее, открыв рот, но не произнося ни слова.

Полицию и спасателей подняли по тревоге немедленно; на Каллышён полетели вертолеты, водолазы спустились на дно озера.

Памела не могла собраться с мыслями. Она беспокойно ходила кругами, твердя себе, что произошло недоразумение, что с Алисой все в порядке. Убеждала себя, что очень скоро они приедут в Стокгольм, усядутся за обеденный стол и будут вспоминать этот день. Она рисовала эти картины в своем воображении – и понимала: ничего подобного не будет. Какой-то частью сознания Памела уже поняла, что произошло.

Когда Мартин очнулся от наркоза, Памела стояла рядом с его кроватью. Он открыл глаза. Через несколько секунд муж на пару секунд опустил веки, после чего поднял мутный взгляд на Памелу, пытаясь принять реальность.

– Что случилось? – прошептал он и облизал губы. – Памела? Что произошло?

– Ты провалился под лед. – Она проглотила комок.

– Нет, он должен был выдержать. – Мартин попытался оторвать голову от подушки. – Я просверлил для пробы, там было сантиметров десять... По такому льду на мотоцикле можно проехать – я ей так и сказал.

Мартин вдруг резко замолчал и напряженно уставился на нее.

– Где Алиса? – дрожащим голосом спросил он. – Памела, что произошло?

Мартин попытался вылезти из кровати, упал, ударился лицом о пластиковый коврик, из брови засочилась кровь.

– Алиса! – выкрикнул он.

– Вы оба провалились? – громче, чем нужно, спросила Памела. – Мне надо знать. Там сейчас водолазы.

– Не понимаю. Она... она...

По бледным щекам полился пот.

– Что там произошло? Отвечай! – жестко сказала Памела и схватила мужа за подбородок. – Я должна знать, что произошло.

– Я стараюсь вспомнить... Мы рыбачили. Да, рыбачили... отлично, все было отлично...

Мартин обеими руками потер лицо, и из брови снова пошла кровь.

– Скажи, что случилось, – и все.

– Погоди...

Мартин схватился за поручень кровати так, что побелели суставы.

– Мы поговорили, что хорошо бы перейти озеро наискось, к другой бухте. Собрали вещи и...

Зрачки расширились, Мартин задышал быстрее. Лицо напряглось до неузнаваемости.

– Мартин!

– Я провалился. – Он посмотрел ей в глаза. – Не мог там лед оказаться тоньше. Просто не понимаю...

– А Алиса?

– Я стараюсь вспомнить, – прерывисто проговорил Мартин. – Я шел впереди, и тут лед прогнулся... все произошло так быстро! Я вдруг оказался под водой. Лдины, пузыри... я начал всплывать, когда услышал гул... Алису утянуло под лед... Я выплыл, отдышался, нырнул. Понял, что она не знает, куда плыть, она уплывала от проруби... кажется, ударилась головой – вокруг нее было как красное облако.

– Господи, – прошептала Памела.

– Я нырнул. Думал, что успею поймать ее – и тут она просто перестала бороться и пошла на дно.

– Как на дно? – заплакала Памела. – Как она могла утонуть?

– Я поплыл следом, вытянул руку, хотел схватить ее за волосы, но промахнулся... и она исчезла в темноте. Я ничего не видел. Слишком глубоко, все черное...

Мартин смотрел на жену, словно видел ее в первый раз. Кровь из рассеченной брови стекала по лицу.

– Но ты... ты же нырнул за ней?

– Не знаю, что произошло, – прошептал он. – Не понимаю... я не хотел, чтобы меня спасли.

Позже Памела узнала, что группа, вознамерившаяся пройти на коньках большое расстояние, обнаружила рядом с прорубью оранжевый ледовый бур и рюкзак. В пятнадцати метрах от проруби, подо льдом, конькобежцы заметили мужчину и вытащили его.

Мартина на вертолете доставили в больницу Эстерсунда. Температура тела у него опустилась до двадцати семи градусов, Мартин был без сознания, его подключили к аппарату искусственного дыхания.

Врачам пришлось ампутировать Мартину три пальца на правой ноге, но он выжил.

Лед не должен был треснуть, но в том месте, где они провалились, течение сделало лед тонким.

День, когда Мартин очнулся от наркоза, был единственным днем, когда он рассказал о несчастье от начала до конца.

Потом он почти перестал разговаривать и начал погружаться в паранойю.

В первую годовщину трагедии Мартина обнаружили босым посреди заснеженного шоссе где-то рядом с Хагапаркенем.

Полиция отвезла его в отделение срочной психиатрической помощи больницы Святого Йорана.

С тех пор он почти все время проводил в психиатрической клинике.

Прошло пять лет, но Мартин так и не смог принять случившегося.

В последнее время врачи постепенно переводили Мартина на амбулаторное лечение. Он научился справляться со своими страхами и неделями жил дома, не просясь обратно в клинику.

И вот теперь Памела и Мартин, посоветовавшись с главным врачом отделения, решили, что Мартину пора окончательно перебраться домой.

Все трое считали, что время пришло.

Имелась еще одна причина, по которой этот шаг следовало сделать.

Больше двух лет назад Памела начала работать волонтером в «Брис» – поддерживала детей и подростков, попавших в непростую ситуацию. Тогда-то она, связавшись с социальными службами Евле, узнала о никому не нужной девочке по имени Мия Андерсон.

Памела начала переговоры с соцработниками, желая, чтобы Мия жила у нее, однако Деннис предупредил, что, если Мартин останется в больнице, ей наверняка откажут.

Когда Памела рассказала Мартину о Мие, он так обрадовался, что у него слезы выступили на глазах. Тогда-то он и дал обещание сделать все, чтобы вернуться домой окончательно.

Родители Мии, наркоманы, умерли, когда девочке было восемь лет. Мия росла среди уголовников и наркоманов. Ее пытались помещать в разные приемные семьи, но безрезультатно, а теперь она была уже слишком взрослой, чтобы кто-то захотел взять ее к себе.

Иным семьям случается пережить тяжелую потерю. Памела начала думать, что тем, кто остался в живых, следует искать людей с похожей историей. Они с Мартином лишились близкого человека, Мия тоже, они понимают друг друга и вместе смогут найти путь к исцелению.

– Застегни рюкзак, – напомнил санитар.

Мартин застегнул молнию, опустил клапан и встал. Рюкзак свисал у него с руки.

– Ну что, готов вернуться домой? – спросила Памела.

9

В покоях стояла темнота, но «глазок» сиял на фоне узорчатых обоев, как жемчужина.

Примерно с час назад «глазок» был темным, причем долго.

Йенни неподвижно лежала в кровати, прислушиваясь к дыханию Фриды – та, похоже, тоже не спала.

Во дворе лаяла собака.

Хоть бы Фрида не вообразила, что они уже в безопасности и могут поговорить.

Лестница, ведущая вверх, скрипнула по-новому. Может, просто дерево сжимается, потому что скоро ночь, но девочки не хотели рисковать.

Йенни не сводила глаз со светящейся жемчужины, пытаясь определить, меняется свет в комнате или нет.

Здесь везде были такие «глазки».

Девочки, принимая душ или обедая в столовой, научились не подавать виду, что заметили, как потемнела дырочка в кафеле.

Ты знаешь, что за тобой подглядывают, и это знание – естественная часть твоей жизни.

За несколько недель до похищения Йенни стало казаться, что за ней наблюдают.

Однажды, когда она была одна, ей почудилось, что кто-то влез в дом, а на следующую ночь она проснулась с леденящим чувством, что ее сфотографировали во сне.

Через несколько дней из корзины с грязным бельем исчезли ее голубые шелковые трусики с пятнами менструальной крови. Пропали незадолго до того, как она купила пятновыводитель.

В день похищения кто-то проколол шины ее велосипеда.

В первое время Йенни, обнаружив, что за ней подглядывают в щель, устроенную в бетонной стене подвала под самым потолком, орала до хрипоты.

Кричала, что скоро здесь будет полиция.

Через полгода она поняла, что тот полицейский на мотоцикле не увидит связи между девочкой, которую рвало в траву, и той, об исчезновении которой заявили родители. Он даже не смотрел на нее особо. Подумаешь, упившийся подросток.

Йенни услышала, как Фрида повернулась на бок.

Уже два месяца они с Фридой вынашивали план побега. Каждую ночь они ждали, когда шаги на верхнем этаже прекратятся, а в подвале стихнут крики. Уверившись, что дом погрузился в сон, Фрида прокрадывалась к ней в кровать, и девочки продолжали разговор.

Йенни гнала от себя мысли о побеге, хотя с самого начала понимала, что отсюда надо выбираться.

Фрида пробыла здесь всего одиннадцать месяцев, а терпение ее уже было на исходе.

Сама Йенни наблюдала за происходящим и дожидалась подходящего случая уже пять лет.

В один прекрасный день двери откроются, и она уйдет отсюда, не оглядываясь.

Отчаяние Фриды было иного рода.

Месяц назад она пробралась в вахтерскую и стащила запасной ключ от их покоев. Кража осталась незамеченной, потому что там целая стена была в крючках, на которых темнели ключи.

Дело рискованное, но необходимое: дверь на ночь запиралась, а окна покоев были заключены снаружи.

Сумок девочки не собирали, иначе их план оказался бы раскрыт.

Когда настанет время, они просто уйдут, исчезнут.

Дом затих уже с час назад.

Йенни знала, что Фрида хочет сбежать сегодня ночью. Единственное, что ее тревожило, – это что ночи пока слишком светлые. До леса еще надо добраться, а во дворе они будут как на ладони.

Их план прост: они оденутся, отпрут дверь, по коридору проберутся в кухню, вылезут в окно и убегут в лес.

При каждом удобном случае Йенни подходила к сторожевому псу и кормила его тем, что удавалось утаить за столом. Если пес ее признает, то не залает, когда она будет убегать.

Из дома были видны серебристо-серые мачты ЛЭП, возвышавшиеся над деревьями.

На мачты Йенни и собиралась ориентироваться, чтобы не заблудиться. Под линиями электропередачи обычно расчищают землю, чтобы во время грозы деревья не обрывали провода. По просеке пройти не в пример легче, чем через густой лес. Идти придется быстро: надо уйти как можно дальше от бабушки.

У Фриды в Стокгольме есть знакомый, надежный человек. Она обещала, что он им поможет с деньгами, убежищем и билетами на поезд до дома.

Надо добраться до дома, до родителей – и только тогда идти в полицию.

Йенни знала, что означает снимок в золоченой рамке, стоящий на прикроватном столике. Как-то летним утром Цезарь наведлся к ней домой и сфотографировал ее родителей на заднем дворе.

А у Фриды есть фотография ее младшей сестры в шлеме для верховой езды. Девочку сняли анфас, и зрачки вышли красными.

У Цезаря много полезных людей и в полиции, и в службах срочного вызова.

Если девочки попытаются позвонить в 112, он узнает. И убьет их родных.

Мысль о том, чтобы сбежать сегодня же ночью, была такой соблазнительной, что у Йенни сердце заколотилось от нахлынувшего адреналина. Но интуиция говорила: надо подождать до середины августа.

Дом спал. Бабушка не заглядывала к ним уже несколько часов. Медный петушок на шпиле со скрипом поворачивался под порывами ветра.

Фрида вытянула в темноте руку. Тихо звякнул золотой браслет.

Выждав несколько секунд, Йенни тронула ладонь подруги и мягко сжала ее пальцы.

– Ты знаешь, что я думаю, – тихо сказала она, не сводя глаз жемчужины в стене.

– Знаю. Но если ждать подходящего времени, мы никогда не убежим, – в который уже раз ответила Фрида.

– Тише... Подождем месяц, месяц мы выдержим. Через месяц в это время будет уже темно.

– Тогда найдется еще какая-нибудь отговорка. – Фрида отпустила ее руку.

– Когда станет темнее – честное слово, я убегу с тобой. Я уже говорила.

– Я как-то не уверена, что ты и правда хочешь отсюда выбраться. В смысле... Неужели ты хочешь остаться здесь? Чего ради? Из-за золота, из-за жемчуга и изумрудов?

– Ненавижу это все.

Фрида молча вылезла из кровати, стянула с себя ночную рубашку и соорудила в кровати человеческую фигуру из подушки и одеяла.

– Мне нужна твоя помощь, чтобы пройти через лес. Ты этот участок знаешь гораздо лучше, чем я... но без меня ты до дома не доберешься, – проговорила она, надевая лифчик и блузу. – Йенни, мать твою, давай убежим вместе, помоги мне – и получишь деньги, билеты на поезд... но я сваливаю прямо сейчас. И это твой шанс.

– Прости, но я боюсь, – прошептала Йенни. – Сейчас слишком опасно.

Она смотрела, как Фрида заправляет блузку в юбку и застегивает на спине короткую молнию. Девушка натянула колготки и надела ботинки, пол отозвался стуком.

– Тыкай в землю палкой, – прошептала Йенни. – Всю дорогу до линии электропередачи. Я серьезно. Иди медленно, будь осторожна.

– Ладно.

И Фрида тихо-тихо пошла к двери.

Йенни села в кровати.

– А можно мне номер Микке? – попросила она.

Фрида, не отвечая, отперла дверь и вышла в коридор. Замок со щелчком закрылся, и все снова стихло.

Йенни легла; сердце билось, как бешеное.

Мысли неслись с дикой скоростью. Вот она торопливо одевается, спешит за Фридой. Бежит через лес, садится на поезд, приезжает домой.

Йенни задержала дыхание и прислушалась.

Тишина. Хотя Фрида сейчас уже должна пробираться мимо двери Цезаря, к кухне.

Бабушка обычно спит чутко.

Если кому-то из девушек случается чем-нибудь стукнуть, шаги на лестнице раздаются немедленно.

Нет, все тихо.

Залаяла собака, и сердце у Йенни сжалось. Йенни поняла, что Фрида как раз вылезает в окно, выходящее на задний двор.

Поводок на собачьей шее натянулся. Лай зазвучал придушенно, а потом и вовсе стих.

Не громче и не дольше, чем когда пес чуял косулю или лису.

Йенни смотрела на глазок, светлую точку на стене.

Фрида уже в лесу.

Ей удалось миновать сетку с колокольчиками.

Теперь Фриде следует передвигаться очень осторожно.

Надо было пойти с Фридой. У Йенни теперь ни ключа, ни нужного человека, ни плана.

Йенни закрыла глаза и увидела темный лес.

Тишина.

Когда в туалете наверху спустили воду, она вздрогнула и открыла глаза.

Бабушка проснулась.

С лестницы донесся тяжкий стук.

Скрипнули перила.

В вахтерской комнате звякнул колокольчик – так часто бывало, когда дул ветер или сигнализация срабатывала из-за какого-нибудь животного.

Глазок на стене светился. Ничего не изменилось.

Йенни услышала, как бабушка надевает в холле пальто, выходит из дома и запирает дверь.

Собака рычала и лаяла.

Снова звякнул колокольчик.

Сердце у Йенни колотилось.

Что-то не так.

Она крепко зажмурилась, услышала, как в соседней комнате что-то скрипнуло.

Со скрежетом повернулся флюгер на крыше.

Йенни открыла глаза. Собака лаяла уже где-то вдали.

Лаяла возбужденно.

Хоть бы бабушка решила, что Фрида не решится сунуться в лес, что она направилась к шахте.

Лай стал ближе.

Фриду поймали. Йенни поняла это еще до того, как услышала голоса во дворе. Хлопнула входная дверь.

– Я передумала! – кричала Фрида. – Я уже возвращалась, я хочу остаться здесь, мне хорошо...

Ее прервала затрещина. Судя по звуку, девушка отлетела к стене и рухнула на пол.

– Я просто очень соскучилась по маме и папе.

– Молчать! – рявкнула бабушка.

Йенни подумала: надо сделать вид, что она крепко спит. Что она не знала, что Фрида собирается сбежать.

По мрамору коридора простучали шаги, и дверь будуара открылась.

Фрида плакала и клялась, что бабушка неправильно поняла, что она уже возвращалась, когда угодила в ловушку.

Йенни замерла, прислушиваясь к ударам чем-то металлическим, к тяжким вздохам. Она не понимала, что происходит.

– Не надо, не надо, – умоляла Фрида. – Честное слово, я больше никогда-никогда...

Внезапно она закричала. Йенни в жизни не думала, что человеческое существо способно так кричать от боли. Это был какой-то животный рев. Крик так же внезапно оборвался.

Что-то сильно стукнуло в стену. Сдвинули мебель.

Прерывистые вздохи, полные боли стоны, и все снова стихло.

Йенни не шевелилась. Пульс грохотал в ушах.

Она не знала, сколько пролежала так, таращась в темноту. Наконец белая жемчужина в стене исчезла.

Йенни закрыла глаза, приоткрыла рот и притворилась спящей.

Наверное, обмануть бабушку ей не удастся. Но она так и лежала с закрытыми глазами, пока не услышала шаги в коридоре.

Звук был такой, словно кто-то медленно шагает, пинками передвигая перед собой деревянный чурбан.

Открылась дверь, и бабушка тяжело шагнула в комнату. Ночной горшок со звоном задел о ножку кровати.

– Одевайся и иди в будуар, – велела бабушка и ткнула Йенни тростью.

– Сколько времени? – сонно спросила Йенни.

Бабушка со вздохом вышла из покоев.

Йенни быстро оделась и на ходу захватила жакет. Остановилась в коридоре, подтянула над коленями колготки и зашагала к открытой двери будуара.

Летнее небо скрывали шторы. Свет в огромном будуаре исходил только от настольной лампы.

У двери стояло пластмассовое ведро с кровью.

Йенни почувствовала, как у нее затряслись ноги.

Весь будуар был в крови, экскрементах и лужицах рвоты.

Проходя мимо ведра, Йенни увидела в нем обе ступни Фриды.

Сердце забилося, как молот.

Йенни увидела комнату полностью, лишь обойдя японские ширмы с цветущими вишнями.

Бабушка сидела в кресле, мозаичный пол вокруг нее был залит кровью. Рот кривился в горькой гримасе. Толстые руки по локоть в крови, кровь капает с пальцев, сжимающих пилу.

Фрида навзничь лежала на кушетке.

Два ремня, протянутые под кушеткой, удерживали ее за ляжки и выше пояса, Фриду сотрясала дрожь.

Ноги были отпилены чуть выше косточки, обрубки зашиты, но все равно продолжали кровоточить. Бархатная кушетка и подушки насквозь пропитались кровью, кровь струйкой стекала по ножке на пол.

Со словами «Больше она не собьется с пути» бабушка поднялась. Она так и не выпустила из рук пилу.

Фрида, явно не в себе, смотрела перед собой широко открытыми глазами и то и дело поднимала обрубки ног.

10

Свет падал в будуар сквозь тюль и тонкие оранжевые занавески. Казалось, солнце уже садится, хотя было раннее утро.

В стоячем воздухе поблескивали пылинки.

Пока бабушка была на кухне, Йенни пыталась облегчить страдания Фриды.

Окровавленное жемчужное ожерелье поднималось на шее Фриды в такт дыханию. Опущенные веки покраснели, губы искушены.

Йенни расслабила ремни, стягивавшие тело.

Блуза Фриды насквозь промокла от пота на груди и под мышками, сквозь ткань просвечивал черный лифчик. Клетчатая юбка задралась чуть не до пояса.

Фрида, измученная болью, не очень понимала, что с ней произошло.

Йенни перевязала кровоточащие обрубки и уже дважды сходила на кухню к бабушке, объяснить, что Фриде нужно в больницу.

Одна нога над швом отливала сине-лиловым.

Ясно, что в лесу Фрида угодила в медвежий капкан.

Наверное, поэтому бабушка и решила произвести ампутацию.

Фрида открыла глаза, посмотрела на ноги с отпиленными ступнями, приподняла обрубок, и ее вдруг накрыла волна ужаса.

Она кричала так, что сорвала голос; извернувшись верхней частью тела, Фрида упала на мокрый ковер и затихла от невыносимой боли.

– Господи, – заплакала она.

Йенни пыталась удержать ее, но Фрида в ужасе задергалась и с отчаянием мотнула головой.

– Нет...

Шов на левой ноге разошелся, снова заструилась кровь.

– Ноги... она отпилила мне ноги...

Светлые волосы Фриды висели сосульками, мокрые от слез и пота, зрачки были расширены, губы побледнели. Йенни гладила подругу по щекам, повторяя, что все будет хорошо.

– Все будет нормально. Лишь бы кровь остановить.

Йенни сдвинула кушетку и осторожно положила изуродованные ноги Фриды повыше, на подушку, чтобы унять кровотечение.

Фрида быстро дышала, закрыв глаза.

Йенни перевела взгляд на глазок рядом с зеркалом, но в будуаре было слишком светло, и она не поняла, наблюдают за ней или нет.

Она подождала, прислушалась к тому, что происходит в доме.

Боты и белые чулки Фриды валялись под столом.

На кухне звякнул фарфор. Йенни склонилась над Фридой, осторожно оправила юбку подруги и поискала в обоих карманах.

Послышался какой-то звук, и она быстро обернулась.

Красные отпечатки бабушкиных подошв тянулись через весь мозаичный пол от большой кровавой лужи, мимо пластмассового ведра и уходили в направлении коридора.

Йенни попыталась рассмотреть дверь в щель между японскими ширмами.

Немного поколебавшись, она сунула палец под пояс подружкой юбки, провела пальцем по всей его длине и отдернула руку, когда в коридоре послышались шаги.

Бабушка прошла мимо будуара дальше, в холл.

Йенни опустилась на колени и расстегнула две пуговицы на блузке Фриды.

Во дворе залаяла собака.

Йенни запустила руку в промокший от пота лифчик Фриды, и та, глядя на нее, пробормотала:

– Не бросай меня.

Йенни пошарила в правой чашечке и нашла, что искала. Вытащила листок бумаги, поднялась на ноги.

Свет за шторами изменился, на миг похолодало.

С диванной подушки капала кровь.

Йенни быстро развернула бумажку. Телефонный номер человека, к которому Фрида собиралась обратиться за помощью. Йенни отвернулась и сунула бумажку себе за резинку трусов.

– Пожалуйста, спаси меня, – прошептала Фрида сквозь стиснутые зубы.

– Я стараюсь остановить кровь.

– Йенни, я не хочу умирать, мне нужно в больницу, иначе никак.

– Лежи спокойно.

– Я смогу ползти, честное слово смогу. – Фрида задыхалась.

Открылась входная дверь, и со стороны холла начали приближаться бабушкины шаги: топот тяжелых ботинок, стук трости о мраморный пол.

Позвякивание ключей на поясе.

Йенни встала у застекленного шкафа и начала нарезать длинные лоскуты для перевязки. Шаги стихли. На ручку нажали, и дверь будуара плавно отворилась.

Тяжело опираясь на палку, вошла бабушка. Она остановилась возле ширм, и суровое лицо оказалось в тени.

– Пора домой.

– Кровотечение уже не такое сильное, – попыталась отговориться Йенни и тяжело сглотнула.

– Там места хватит для двоих, – сухо ответила бабушка и вышла.

Йенни знала, как остаться в живых, но гнала от себя слишком уж определенную мысль о том, что она сейчас сделает и что за этим последует. Она подошла к Фриде и, стараясь не смотреть ей в глаза, схватилась за край расшитого золотом ковра.

– Пстой, подожди...

Поскользнувшись в кровавой луже, Йенни, пятясь задом, протащила лежащую на ковре Фриду по мозаичному полу и выволокла ее на мраморный пол коридора. Фрида плакала и твердила, что чувствует себя гораздо лучше, но тихо вскрикивала от боли, когда коврик проезжал по малейшей неровности.

Йенни протащила ее мимо комнаты Цезаря и направилась дальше, в холл, заставляя себя не слушать рыдания и мольбы.

Фрида хотела схватиться за позолоченный табурет; он немного проехал за ней, но Фрида выпустила ножку из рук.

– Не надо, – рыдала она.

Бабушка ждала, стоя в дверном проеме первого этажа. В холле сладко пахло дымом. Утренний свет за бабушкой был как бы туманным. Йенни поняла, что она что-то жгла в мусоросжигательной печи за постройкой номер семь.

Когда Йенни потащила Фриду вниз по ступенькам и дальше, во двор, та закричала от боли.

Кровь толчками выхлестывала из обрубка, и на дне сложенного ковра собралась лужа.

Пес беспокойно заворчал, когда бабушка закрепила цепь на одном из ржавых мусорных баков.

Ковер оставлял на полу темные следы.

Бабушка отперла дверь седьмой постройкой и подперла дверь камнем. Дым вился над жестяной крышей, плыл сквозь кроны сосен.

Когда Йенни выпустила ковер, Фрида вскрикнула. Жемчужное ожерелье натянулось на шее, в глазах читалось отчаяние.

– Спаси меня!

Йенни нагнулась и, равнодушно отметив, что сломала ногти на руках, снова схватилась за коврик и потащила Фриду по бетонному полу.

Дневной свет проникал сюда сквозь ряды нечистых окон, расположенных под самой жестяной крышей.

К стене были прислонены старинные вокзальные часы. Йенни увидела в выгнутом стекле собственное отражение – узкую тень.

На полу валялись сухие листья и хвоя.

Над разделочным столом покачивалась липучка от мух, в пластиковой бадье – ржавый капкан на медведя.

Йенни проволокла подругу мимо корыт и бочек с рыбьими внутренностями и втащила в большую клетку.

Фрида, не сдерживая больше страха перед смертью, громко заплакала.

– Мама! Хочу к маме...

Йенни положила ковер и вышла из клетки, не глядя на Фриду. Опустив голову, прошла мимо бабушки и дальше, во двор, на прохладный воздух.

Пес пару раз гавкнул, цапнул зубами цепь, повертелся, поднимая пыль, и лег, вывалив язык.

Йенни взяла из тачки метлу и быстро зашагала вдоль длинных построек.

Бабушка наверняка думает, что Йенни отправилась к себе в покои, чтобы спрятать лицо в подушку и заплакать.

Бабушка думает, что напугала Йенни так, что та забудет и мысли о побеге.

Трясаясь от страха, Йенни свернула между старым грузовиком и полуприцепом, ногой скосынула с черенка метлу и зашагала вперед.

Пока Фриду убивали в газовой камере, Йенни успела добраться до лесной опушки. Она не оглядывалась.

Девушка медленно прошла через черничник, между сосен. Ветер посвистывал в кронах у нее над головой.

Паутинки щекотали лицо.

Йенни торопливо глотала прохладный утренний воздух. Может быть, бабушка уже начала искать ее.

Она осторожно тыкала палкой перед собой, свободной рукой отводя ветки.

Лес становился все гуще, пробираться вперед было все труднее.

Путь Йенни преградило упавшее дерево; оно еще и застряло между двумя другими. Она подлезла под стволом и хотела уже распрямиться, как вдруг заметила какой-то блеск. Между деревьями протянулись перекрещенные нейлоновые нити. Йенни знала, что они каким-то образом соединены с колокольчиками в каптерке сторожа.

Она попятилась, распрямилась и пошла в обход поваленного дерева.

Под ботинком с хрустом сломалась ветка.

Йенни заставляла себя идти медленно. Вот и яма. Маскировка из веток и мха обрушилась на острые колья.

Йенни понимала, что это ее единственный шанс.

Но если она сумеет выбраться из леса, то доберется до Стокгольма, где знакомый Фриды поможет ей уехать домой.

Она не станет рисковать. Они с мамой и папой пойдут в полицию, чтобы им обеспечили защиту, пока Цезаря и бабушку не арестуют.

Метров через сто лес расступился, и открылась прямая просека – дорога, очищенная от леса, по которой уходили вдаль соединенные проводами мачты ЛЭП.

Обогнув вывороченное с корнями дерево, Йенни вышла на полянку – и тут позади нее раздался громкий стук.

Ворона с тревожным карканьем снялась с дерева.

Земля перед Йенни заросла огромными папоротниками.

Йенни стала пробираться через папоротники, то и дело тыча перед собой черенком от метлы.

Папоротники доходили ей до ляжек и росли так тесно, что она не видела собственных ног.

Теперь Йенни отчетливо слышала возбужденный собачий лай. Она уже готова была побежать, как вдруг черенок вырвался у нее из рук и со стуком упал на землю.

Йенни замерла, потом нагнулась и отвела папоротники рукой.

Черенок попал в медвежий капкан.

Челюсти капкана сжались так, что почти перекусили черенок. Йенни подвигала его туда-сюда, и он сломался.

Йенни осторожно пересекла полянку, тыча черенком в землю, миновала последние деревья и вышла на просеку.

Она прошла по желтой траве, между молодых березок с тонкими розоватыми ветками, остановилась, прислушалась. Потом снова двинулась вперед.

11

Ночью шел сильный дождь, но сейчас светило солнце, а с листья падали последние капли.

В трех теплицах прижимались к стеклу в потеках зеленые листья.

Валерия подогнала тачку к сараю, собираясь набрать навоза для растений.

На ленте, свисавшей с шеи, покачивался датчик с тревожной кнопкой – на случай вторжения в дом.

Йона воткнул лопату в землю, надавил ногой. Распрямился, вытер потный лоб тыльной стороной ладони.

Под расстегнутой курткой виднелся серый вязаный свитер.

Волосы разлохматились. Глаза, цветом походившие на потемневшее серебро, отразили солнечный свет, падавший сквозь ветки.

Каждый новый день все еще казался Йоне рассветом после штормовой ночи. Светает, ты выходишь и осматриваешь разрушения, считаешь потери, но для тех, кто выстоял, в воздухе витает надежда.

Йона регулярно ездил на могилы с цветами из теплицы. У времени есть свойство разжигать горе, делать его прозрачным. Ты учишься справляться с переменами, с тем, что жизнь продолжается, даже если она выглядит не так, как хотелось бы.

Йона снова служил комиссаром в Национальном бюро расследований, вернулся в свой старый кабинет на восьмом этаже.

Все попытки выследить человека, называвшего себя Бобром, оказались безуспешными. Прошло уже восемь месяцев, но в распоряжении Бюро оставались только расплывчатые изображения с белорусских камер видеонаблюдения.

Полиция даже не знала, как зовут этого человека.

Каждое место, с которым его можно было связать, оказывалось тупиком.

Ни одна из ста тридцати девяти стран – членов Интерпола не обнаружила даже следов Бобра. Казалось, что все его земное существование ограничилось несколькими неделями прошлого года.

Йона остановился и взглянул на Валерию, не замечая, что улыбается. Валерия шла к нему по гравийной дорожке, катя тачку. Кудрявый хвост покачивался над черным стеганым жилетом – блестящим, но в пятнах грязи.

– Radio goo goo, – сказала она, когда их взгляды встретились.

– Radio ga ga, – ответил Йона и снова взялся за лопату.

Послезавтра Валерии предстояло лететь в Бразилию: ее старший сын готовился стать отцом. Присматривать за рассадой, пока ее нет, она поручила младшему сыну.

Приехала из Парижа Люми. Она собиралась остаться, пока Валерия не уедет, а потом пять дней пожить у Йоны в Стокгольме.

Позавчера они смотрели, как женская футбольная сборная Швеции разгромила на Чемпионате мира англичанок и взяла «бронзу». А вчера жарили филе ягненка.

За ужином Люми казалась задумчивой. Когда Йона попытался заговорить с ней, она держалась с ним отчужденно, как с незнакомым человеком.

Люми легла рано, оставив Йону и Валерию перед телевизором. Шел фильм о рок-группе *Queen*. Мелодии крутились у них в головах всю ночь и не стихли даже утром. Отделаться от них оказалось невозможно.

– All we hear is radio ga ga¹, – пропела Валерия от стоек с рассадой.

– Radio goo goo, – отозвался Йона.

– Radio ga ga, – с улыбкой ответила Валерия и пошла к теплице.

Напевая, Йона несколько раз копнул и отбросил землю. Он успел подумать, что все налаживается, и тут из дома вышла Люми. Девушка остановилась на крыльце.

Черная ветровка, зеленые резиновые сапоги.

Йона воткнул лопату в землю и пошел к дочери. Он уже собирался спросить, не застряла ли у нее в голове какая-нибудь мелодия, как вдруг увидел, что глаза у нее красны от слез.

¹ Все, что мы слышим, – это «га-га» радио (англ.)

– Папа, я перебронировала билеты... Я улетаю сегодня вечером.

– Может быть, попробуешь?..

Люми опустила голову, и прядь темно-русых волос упала ей на глаза.

– Я прилетела в надежде, что здесь буду чувствовать себя по-другому, но я ошиблась.

– Да, понимаю. Но ты же совсем недавно приехала. Может быть...

– Я знаю, папа. Но я уже отвратительно себя чувствую. Знаю, это несправедливо, ты столько сделал для меня, но та сторона, которую ты мне показал, меня пугает, я не хотела ее видеть, и я хочу ее забыть.

– Я тебя понимаю. Но я был вынужден поступать именно так, – проговорил Йона, ощущая какую-то грязь на душе.

– Пусть так, но мне все равно паршиво. Меня тошнит от твоего мира, я видела насилие, смерть. И я ни за что не смогу стать частью этого мира.

– Тебе и не нужно становиться – ты всегда была частью моего мира... но я воспринимаю этот мир совсем иначе. Может, это признак того, что ты права и со мной не все в порядке.

– Неважно, папа. Я хочу сказать – ты тот, кто ты есть, ты делаешь то, что считаешь необходимым, но я не хочу иметь к этому никакого отношения. Вот и все.

Оба помолчали.

– Зайдем в дом, выпьем чаю? – осторожно спросил Йона.

– Я уезжаю прямо сейчас. Посижу в аэропорту, учебник почитаю.

– Я тебя отвезу. – Йона повернулся было к машине.

– Я уже вызвала такси.

И Люми ушла в дом за сумкой.

– Вы что, поссорились? – Валерия подошла к Йоне.

– Люми улетаёт домой.

– Что случилось?

Йона повернулся к ней.

– Это из-за меня. Ей невыносимо жить в моем мире... я уважаю ее решение.

Между бровями у Валерии залегла резкая морщина.

– Она пробыла здесь всего два дня.

– Она видела, каким я могу быть.

– Ты лучший в мире.

Вышла Люми с сумкой; девушка успела переобуться в теплые черные ботинки на шнуровке.

– Жалко, что ты уезжаешь, – сказала Валерия.

– Жалко. Я думала, что готова, но... оказалось, что еще рано.

– Мы всегда рады тебя видеть. – Валерия раскрыла объятия.

Они с Люми обнялись.

– Спасибо, что позвала в гости.

Йона подхватил сумку Люми и проводил ее до поворота. Оба остановились возле машины Йоны, поглядывая на дорогу.

– Люми, я признаю твою правоту... но я могу изменить свою жизнь, – сказал Йона после долгого молчания. – Могу уволиться. Это просто работа, я живу не ради того, чтобы служить в полиции.

Люми не ответила. Она молча стояла рядом с отцом, глядя, как приближается по узкой дороге такси.

– Помнишь, как мы играли, когда ты была маленькой? Что я – твоя обезьянка? – Йона повернулся к дочери. Та коротко ответила:

– Нет.

– Я иногда не мог понять, осознаешь ли ты, что я – человек...

Такси остановилось. Шофер вышел, поздоровался, поставил сумку Люми в багажник и открыл заднюю дверцу.

– Не скажешь обезьянке «пока»? – спросил Йона.

– Пока.

Люми забралась в машину и, улыбаясь, махала Йоне рукой, пока машина разворачивалась; гравий хрустел под колесами. Когда такси укатило по узкой дороге, Йона повернулся к собственной машине, посмотрел на отраженное в боковом зеркале небо, оперся обеими руками о капот и опустил голову.

Валерию он заметил, лишь когда она положила руку ему на спину.

– Копов никто не любит, – пошутила она. Йона посмотрел на нее.

– Я уже понял.

Валерия тяжело вздохнула.

– Не грусти, – прошептала она и ткнулась лбом ему в плечо.

– Я и не грущу. Ничего страшного.

– Хочешь, я позвоню Люми, поговорю с ней? Ей довелось видеть страшное, но мы с ней остались в живых только благодаря тебе.

– «Благодаря» мне вы и оказались в опасности, об этом, по-моему, не стоит забывать.

Валерия притянула Йону к себе, обняла, прижалась щекой к груди, послушала, как бьется сердце.

– Пойдем обедать?

Они вернулись к стойкам с рассадой. На стопке пустых поддонов стояли термос, две упаковки лапши быстрого приготовления и две бутылки светлого пива.

– Пять звезд, – сказал Йона.

Валерия налила горячей воды из термоса в коробочки с лапшой, закрыла их, а крышки с бутылок сбила о край верхнего поддона.

Оба разломали палочки и пару минут подождали, после чего сели на прогретую кучу гравия и принялись за обед.

– Как-то это нехорошо, что я послезавтра улетаю, – сказала Валерия.

– Все будет отлично.

– Но я за тебя тревожусь.

– Потому что я залип на песенке?

Валерия улыбнулась и расстегнула молнию темно-красной флисовой кофты. В ямочке между ключицами покоилась эмалированная маргаритка.

– Radio goo goo, – пропела Валерия.

– Radio ga ga, – отозвался Йона.

Он отпил из бутылки и стал смотреть, как Валерия пьет бульон из кружки. Под короткие ногти набилась земля, на лбу – глубокая морщина.

– Люми нужно время, но она вернется. – Она вытерла рот рукой. – Ты выдержал столько лет одиночества, потому что знал: она жива... Ты не потерял ее тогда и не потеряешь сейчас.

12

Трейси слышала, как приближается, стуча по жестяным крышам Стокгольма, дождь. На оконный отлив упали первые капли, и вскоре в квартире уже стоял гул.

Трейси лежала в постели голая. Рядом спал мужчина по имени Адам. Полночь, в незнакомой квартире царит тьма.

Трейси была в пабе с коллегами. Там, у стойки, она и познакомилась с Адамом.

Адам начал флиртовать, угостил выпивкой, они стали перешучиваться, и когда коллеги разошлись, Трейси осталась с Адамом.

Нижние веки у него были подведены карандашом, а густые, осветленные с черными корнями волосы стояли торчком.

Адам работал учителем в средней школе и утверждал, что происходит из дворянского рода.

Они отправились к нему домой, пошатываясь под обещающим дождь ночным небом.

Сама Трейси жила в Чисте, но у Адама имелась однокомнатная квартира в центре Стокгольма.

Квартира оказалась маленькой, с потертыми полами, облезлыми по краям дверями, потолком в трещинах и душем в ванне.

На полу стояли пластмассовые контейнеры с виниловыми пластинками, а постель была застелена черным шелковым бельем.

Трейси вспомнила, как Адам сел на край кровати, сжимая в руке красную игрушечную машинку.

Жестяной автобус сантиметров в двадцать длиной, с окошками и черными колесами.

Трейси подобрала колготки, блузку и серебристую юбку, повесила одежду на спинку стула и приблизилась к Адаму в одном белье.

Адам с равнодушной физиономией растянул «гармошку» автобуса и запустил передний вагон ей между бедер.

– Ты чего? – Трейси натянуто улыбнулась.

Адам что-то невнятно пробормотал и, не глядя ей в глаза, прижал ветровое стекло автобуса ей к вагине и принялся медленно водить им вперед-назад.

– Ну правда, – сказала Трейси и отодвинулась.

Адам пробормотал «извини» и поставил автобус на тумбочку, однако задержал взгляд на игрушке, словно видел водителя и пассажиров.

– О чем думаешь?

– Ни о чем. – Адам повернул к ней лицо с полуопущенными веками.

– С тобой все в порядке?

– Я просто пошутил. – Он улыбнулся Трейси.

– Повторим?..

Адам кивнул. Трейси погладила его плечи, поцеловала в лоб, в губы, опустилась на колени и растянула на нем черные джинсы.

Очень скоро он стал достаточно упругим, чтобы надеть презерватив.

Трейси была возбуждена, когда он вошел в нее. Лежа на спине, она сжимала его ягодицы, старалась получить удовольствие и несколько преувеличенно стонала.

Адам плавно скользил в ней.

Трейси задышала чаще, напрягла пальцы ног и бедра.

Адам остановился и одной рукой стиснул ей грудь.

– Не останавливайся, – прошептала Трейси, стараясь поймать его взгляд.

Адам взял с тумбочки игрушечный автобус и попытался сунуть его Трейси в рот. Автобус стукнул ее по зубам, и она отвернулась. Адам не унялся и прижал автобус ей к губам.

– Прекрати!

– Ладно, извини.

Они продолжили, но любовное настроение Трейси улетучилось. Ей просто хотелось, чтобы все закончилось, она даже притворилась, что кончает, лишь бы ускорить дело.

Кончив, Адам, весь в поту, скатился с нее, пробормотал что-то про завтрак и уснул, зажав автобус в кулаке.

И вот теперь Трейси лежала, глядя в потолок, и понимала, что ей абсолютно не хочется просыпаться в этой квартире рядом с Адамом.

Она вылезла из кровати и собрала свои вещи. В ванной она помочилась, умылась, оделась.

Когда Трейси вышла, Адам все еще спал, открыв рот и тяжело, пьяно дыша.

В окно лупил дождь.

В прихожей Трейси влезла в красные лодочки. Ноги все еще побаливали.

В стоявшей на столике синей керамической чаше лежали ключи Адама, кошелек и кольцо – Трейси видела его у Адама на мизинце.

Трейси взяла кольцо и стала рассматривать герб с волком и скрещенными мечами. Надела кольцо на безымянный палец, подошла к двери и обернулась к темной спальне.

Весь дом гудел под проливным дождем.

Трейси отперла дверь, вышла на лестничную клетку, закрыла дверь и заспешила вниз по лестнице.

Она не понимала, зачем украла кольцо. Она никогда не берет чужого, в последний раз воровала в детском саду – прихватила домой кусок пластмассового торта.

На улице лило как из ведра. Асфальт блестел.

По тротуарам неслись потоки, желоба извергали воду.

Ливневые колодцы затопило.

Пройдя пару метров, Трейси заметила, что по другой стороне улицы кто-то идет, не отставая от нее.

Фигура мелькнула между припаркованными машинами. Трейси ускорила шаг, чувствуя на икрах холодные брызги.

Шаги эхом отдавались между фасадами домов.

Трейси свернула на Кунгстенсгатан и побежала к парку возле Обсерватории.

В кустах громко шелестел дождь.

Все окна на той стороне улицы были темными.

Мужчина исчез.

Трейси пыталась успокоить себя, но, спускаясь по каменной лестнице к Сальтметаргатан, она еле дышала.

Темно, надо крепче держаться за перила.

Кольцо Адама царапало мокрый металл.

Спустившись, Трейси подняла взгляд.

Свет уличного фонаря слева от верхней части лестницы казался серым из-за дождя. Трейси поморгала, но понять, преследуют ее или нет, было невозможно.

Трейси, не раздумывая, зашагала к автобусной остановке коротким путем – мимо детской площадки за Высшей школой экономики.

Горел только дальний фонарь, но он все же немного рассеивал тьму.

Вода затекала за воротник, лилась по спине.

Грязные лужи на детской площадке пузырились под дождем.

Трейси уже пожалела, что пошла здесь.

В траве напротив массивного здания Школы мокли картонные коробки.

Капли дождя стучали по светло-серой крепости со стенкой для лазанья. Звук был такой, будто там заперли собаку, и вот она теперь сопит и тяжело задевает стены боками и задом.

Идя по мокрой земле, Трейси старалась обходить самую глубокую грязь, чтобы не загубить туфли.

Темные окна домика на детской площадке поблескивали черным.

Дождь шелестел в листве деревьев, капли со звоном срывались на металлические перила.

Трейси не сразу поняла, что происходит.

Ее охватил какой-то утробный страх, стало трудно дышать.

Тяжело переставляя ноги, она пошла медленнее, пытаясь осознать, что же она видит.

Сердце колотилось.

Время замедлилось.

Над лазалкой, как привидение, раскачивалась девушка.

На шее у девушки была проволока. Платье на груди пропиталось кровью.

Мокрые светлые волосы свисают вдоль щек, глаза распахнуты, посиневшие губы раскрыты.

Ноги девушки болтались в метре от земли, а то и больше. Черные кроссовки валялись под повешенной.

Трейси поставила сумочку на землю и стала искать телефон, чтобы вызвать полицию. Вдруг она увидела, что девушка пошевелилась.

У нее подергивались ноги.

Трейси ахнула и кинулась к повешенной. Поскользнувшись в грязи, добежала до девушки и увидела, что проволока тянется от ее шеи через самую высокую точку лазалки и опускается с другой стороны.

– Я тебе помогу! – прокричала Трейси и побежала вокруг снаряда.

Проволочный трос тянулся из лебедки, прикрученной к одной из деревянных опор лазалки. Трейси схватилась за рукоятку, но та оказалась закреплена.

Трейси рванула ручку и зашарила в поисках защелки.

– Помогите! – изо всех сил закричала она.

Трейси попыталась снять защитный футляр, поскользнувшись, ободрала костяшки и дернула за ручку в попытке сорвать лебедку с опоры, но лебедка сидела крепко.

Какая-то бездомная в меховой шапке остановилась поодаль и уставилась на Трейси пустым взглядом. Плечи она обернула черными пластиковыми пакетами, с шеи свисал на шнурке белый крысиный череп.

Трейси бежала лазалку и схватила девушку за ноги; приподняв ее, она почувствовала, что икры повешенной конвульсивно подергиваются.

– Помогите! Мне нужна помощь! – пронзительно прокричала Трейси бездомной.

Наступив на сброшенные кроссовки, она попыталась пристроить ноги девушки себе на плечи, чтобы та смогла растянуть проволоку на шее. Но девушка, безжизненная, застывшая, соскользнула у Трейси с плеч и качнулась в сторону.

Перила наверху лестницы скрипнули.

Трейси снова приподняла девушку и стояла под дождем, в темноте, пока девушка не прекратила дергаться. Из ее тела ушло последнее тепло. Наконец силы у Трейси иссякли, и она, рыдая, опустилась на землю. Девушка умерла.

13

Полиция оцепила приличный участок парковки при Обсерватории, и патрульные не пускали журналистов и любопытных к месту страшной находки.

Йона отвез Валерию в аэропорт и приехал к месту преступления. Машину он оставил у церкви Адольфа-Фредрика. Еще когда он подходил к ленте оцепления на Сальтмэтаргатан, к нему протолкался журналист с седыми усами и морщинистым лицом.

– Я вас узнал. Вы из уголовной полиции, да? – с улыбкой спросил он. – Что здесь произошло?

– Поговорите, пожалуйста, с пресс-секретарем. – Йона не стал останавливаться.

– Но существует ли опасность для горожан или...

Йона предъявил патрульному удостоверение; его пропустили. Ночью шел дождь, и земля еще не просохла.

– Позвольте один-единственный вопрос? – прокричал журналист ему в спину.

Йона подошел к внутреннему оцеплению – ленте, натянутой вокруг детской площадки за Школой экономики. Над лазалкой уже натянули тент, чтобы оградить место преступления.

За белым пластиком двигались тени криминалистов.

К Йоне подошел мужчина лет двадцати пяти, с густыми бровями, подстриженной бородкой и в бордовой рубашке.

– Арон Бек, полиция Норрмальма, – представился он. – Я веду предварительное расследование.

Они пожали друг другу руки, пролезли под лентой и направились к площадке.

– Мне самому не терпится начать, – говорил по дороге Арон, – но Ольга велела ничего не трогать, пока вы не осмотрите жертву.

Они подошли к молодой рыжей женщине с веснушчатым лицом и белесыми бровями. На женщине были плащ в узкую белую полоску и черные ботинки.

– Знакомьтесь, Ольга Берг.

– Йона Линна. – Йона пожал Ольге руку.

– Мы все утро пытались сохранить следы и другие улики, но погода, к сожалению, не на нашей стороне. Большая часть улик потеряна. Но такова уж наша работа.

– Один мой друг, Самуэль Мендель, говаривал: сумеешь представить себе то, чего нет, – сумеешь изменить правила игры.

Ольга посмотрела на него и коротко улыбнулась.

– Правду говорили насчет ваших глаз, – заметила она и повела их с Беком к палатке.

Центр площадки окружала целая система тропинок из защитных пластин, которые позволяли не затаптывать место преступления.

Пока все трое стояли перед шлюзом, Ольга успела рассказать, как криминалисты опустошили все урны далеко за пределами оцепления, спустились в метро, добрались до самой Уденплан. На месте преступления они фотографировали, снимали отпечатки пальцев, следы подошв на грязной дорожке и на краю площадки.

– Не нашли ничего, что можно связать с жертвой или преступником? – спросил Йона.

– Нет. Ни водительских прав, ни телефона, – ответил Арон. – Прошлой ночью поступило с десятков заявлений об исчезновении девушек, но большинство «пропавших», как всегда, объявятся, как только зарядят мобильные телефоны.

– По всей вероятности, – согласился Йона.

– Мы как раз допросили женщину, которая обнаружила жертву. Чуть-чуть опоздала, не успела спасти. У нее шок... она говорила о какой-то бездомной... но свидетелей самого преступления у нас пока нет.

– Я бы хотел взглянуть на жертву, – сказал Йона.

Ольга зашла в просторную палатку и попросила коллег прерваться. Техники в белых комбинезонах потянулись наружу.

– Прошу, – сказала Ольга.

– Спасибо.

– Не стану рассказывать о своих выводах, – заметил Арон. – Кому же хочется услышать, что ты наделал ошибок.

Йона отвернул пластиковый полог, шагнул в палатку и остановился. Все, что было на площадке, проступило под ярким светом прожекторов, будто в аквариуме с соленой водой.

С лазалки свисала молодая девушка. Голова повешенной склонилась вперед, пряди волос закрывали лицо.

Йона набрал в грудь воздуха и заставил себя снова взглянуть на покойницу.

Чуть моложе его дочери, одета в черную кожаную куртку, фиолетовое платье и плотные черные колготки.

Грязные кроссовки валяются под ней, на земле.

Платье потемнело от крови, струившейся из того места, где петля глубже всего врезалась в кожу.

Йона обошел лазалку по плиткам и стал рассматривать лебедку, прикрученную к одной из опор.

Вероятно, преступник орудовал шуруповертом – винты не были поцарапаны отверткой, которая бы постоянно срывалась.

Защелка согнута щипцами так, чтобы ее нельзя было открыть.

Это не просто убийство. Это расправа.

Демонстрация силы.

Человек, совершивший убийство, прикрутил лебедку к опоре, перекинул трос и с помощью крюка соорудил петлю.

Йона снова обошел снаряд и остановился перед повешенной.

Светлые волосы мокры, но не спутаны, ногти ухоженные, лицо без косметики.

Йона поднял глаза. Тонкий трос соскользнул и повредил поперечную перекладину.

Наверное, девушка была еще жива, когда ей на шею накинули петлю.

Преступник подошел к лебедке и повернул рукоять.

Крупная зубчатая передача вращала колеса поменьше, и преступник почти не почувствовал веса девушки.

Барабан повернулся, девушку дернуло вверх. Пытаясь освободиться, она забилась так, что трос съехал по перекладине сантиметров на десять.

По палатке прошел сквозняк; пластик вздулся и зашуршал.

Йона все еще не отрываясь смотрел на жертву, когда Арон с Ольгой вошли в палатку и встали рядом с ним.

– Что думаете? – спросила Ольга чуть погодя.

– Ее убили здесь.

– Мы это уже выяснили, – сказал Арон. – Женщина, которая ее нашла, показала, что девушка была еще жива, у нее ноги дергались.

– Я понимаю, в чем ошибка, – кивнул Йона.

– Значит, я все-таки ошибся.

Движения, которые женщина приняла за признаки жизни, были постмортальными судорогами. Преступник к этому времени уже покинул площадку. Трос, вероятно, пережал артерии, снабжающие мозг кровью. Жертва пыталась ослабить петлю, секунд десять билась в панике, а потом потеряла сознание и умерла. Но после наступления смерти нервные окончания способны посылать мышцам импульсы еще несколько часов.

– Кем бы она ни была... у меня такое чувство, что преступник хотел продемонстрировать ее беспомощность и свое могущество, – заметила Ольга.

Светлые волосы свисают на лицо, правый глаз белеет сквозь пряди, как стеарин. Подкладка кожаной куртки на воротнике теперь другого цвета.

Йона рассматривал маленькие руки с короткими ногтями и белыми полосками – там, где из-за украшений на кожу не лег загар.

Он осторожно протянул руку, отвел влажные волосы мертвой от лица. Чувствуя невыносимую печаль, Йона взглянул в широко открытые глаза и тихо проговорил:

– Йенни Линд.

14

Йона, глубоко задумавшись, вошел в стеклянные двери Главного полицейского управления.

Йенни Линд казнили. Повесили на детской площадке.

Дождь, трос и лебедка.

Еще одна стеклянная стена. Йона прошел во вращающиеся двери и повернул направо, к лифтам.

Пять лет назад Йенни пропала без вести в Катринехольме, когда возвращалась из школы домой. Интенсивные поиски продолжались несколько недель.

Фотографии девушки были повсюду, и в первый год в полицию постоянно звонили люди, желавшие сообщить информацию. Родители Йенни умоляли похитителя не причинять вреда их дочери. Было обещано большое вознаграждение.

Похититель управлял фурой с краденными номерами, и грузовик так и не удалось отследить, хотя криминалисты сняли отпечатки шин с земли возле пешеходной дорожки, а при помощи одноклассницы Йенни, на глазах у которой произошло похищение, составили фоторобот.

Полиция, общественность и СМИ делали все возможное, но в конце концов поиски прекратились.

Никто больше не верил, что Йенни жива.

И все-таки она была жива еще несколько часов назад.

А теперь Йенни висит в ярко освещенной палатке, как в музейной витрине.

Лифт остановился и звякнул; двери разъехались.

Карлосу Элиассону пришлось выйти в отставку: он взял на себя всю ответственность за прошлогодние действия Йоны в Нидерландах. Карлос спас Йону от суда, заявив, что лично санкционировал каждый этап операции.

Новым шефом Бюро стала Марго Сильверман, которая прежде служила там же комиссаром. Отец Марго был полицеймейстером лена.

Йона шел по пустому коридору. Плащ он снял и перекинул через руку.

Дверь в кабинет шефа была открыта, но Йона все же постучал, после чего вошел и остановился.

Марго не подала виду, что заметила его.

Пальцы порхают над клавиатурой. Ногти на правой руке накрашены неровно.

У светлокожей, с конопатым носом Марго под глазами набрякли темные мешки. Ржаного оттенка волосы заплетены в косу.

На полке среди сборников законов, полицейских постановлений и инструкций стояли деревянный слоник, кубок, выигранный на скачках двадцать лет назад, и фотографии детей Марго в рамке.

– Как Юханна и девочки? – спросил Йона.

– О жене и детях я не рассказываю, – заметила начальница, не отрываясь от клавиатуры.

Недавно побывавшая в химчистке куртка Марго висела на крючке у двери, сумочка стояла на полу.

– Но у тебя ко мне какой-то разговор.

– Йенни Линд убили.

– Полиция Норрмальма запросила у нас поддержки.

– Они сами справятся.

– Может быть, – ответил Йона.

– Ладно, садись... я, кажется, сейчас начну повторяться. Никто же не посмеет указывать начальству, что оно повторяется... тоже привилегия.

– Неужели?

Марго отвлеклась от экрана.

– Можно воровать чужие идеи и шутки... и все тебя слушают с интересом, даже если ты повторяешься.

– Ты это уже говорила. – Йона не двинулся с места.

Марго улыбнулась, но глаза ее оставались серьезными.

– Я знаю, что при Карлосе тебе разрешалось действовать на свое усмотрение, и не хочу конфликтовать с тобой насчет этого, хотя сейчас так уже не делают. Ты добиваешься исключительных результатов – и в хорошем смысле, и в плохом... И очень дорого обходишься. Оставляешь после себя разруху и ресурсов требуешь больше, чем любой другой.

– Я договорился о встрече с Юханом Йонсоном. Хочу просмотреть записи с камер видеонаблюдения на площадке.

– И думать забудь, – предупредила Марго.

Йона вышел из кабинета. Уже сейчас он предчувствовал, что расследование окажется гораздо, несравненно глубже, чем они могут себе представить.

15

Когда Йона вышел из лифта, Юхан Йонсон уже ждал его на верхнем этаже студенческого общежития «Нюпонет», что на Шёрбэрсвэген.

Почти лысый, но с седоватой бородкой и густыми бровями, Йонсон предстал перед гостем в трусах и застиранной футболке, на которой значилось «*Fonus*».

В распоряжении Юхана был весь этаж, но он все-таки вытащил на лестничную площадку столик с компьютером и два раскладных стула.

– Туда уже даже не войти. – Он указал на дверь квартиры. – Когда дело доходит до компьютерного оборудования, я все тащу к себе – ничего не могу с собой поделать.

– Кровать и ванна – тоже нужное оборудование, – улыбнулся Йона.

– Трудно, когда все непросто, – вздохнул Юхан.

Йона уже знал, что на самой детской площадке камеры ничего не записали – она располагалась в «слепой зоне» за Школой экономики. Но дело происходило в центре Стокгольма, а большая часть центра все-таки находится под прицелом видеокамер.

Основываясь на температуре тела Йенни Линд, нормальские эксперты определили, что смерть наступила ночью, в три часа десять минут. Однако окончательное суждение о времени смерти, с учетом всех параметров, должен был вынести Нолен.

– Может, это и есть, как вы говорите, *jättipotti*², – начал Юхан. – На игровую площадку камеры не направлены, так что у нас нет записей, на которых кто-нибудь приближался бы к месту преступления или покидал его... Но на записи на несколько секунд появляется жертва... а также свидетель, если только мы сможем его найти.

– Отлично. – Йона уселся рядом с Юханом.

– Еще мы отследили людей, которые появлялись в этом районе до и после убийства... некоторые, прежде чем исчезнуть, попали на несколько камер.

Юхан взял пакетик «Поп-рокс», надорвал уголок и высыпал конфеты-шипучки в рот. Пока он вводил команду, леденцы у него во рту задевали о зубы и тихо шипели.

– О каком временном промежутке идет речь? – спросил Йона.

– Я отслеживал записи с девяти вечера, когда народу на игровой площадке было много, в первый час – не одна сотня... И закончил половиной пятого утра, когда на площадку уже слетелись полицейские.

– То, что надо.

– Еще я смонтировал записи с разных камер так, чтобы проще было отследить каждого конкретного человека.

– Спасибо.

– Начнем с жертвы. – И Юхан запустил запись.

² Джекпот (финск.)

На экране компьютера пошла темная запись; цифры вверху отсчитывали время. Камера, установленная на Свеавеген, снимала вход в метро на Родмансгатан. На периферии изображения виднелись парк и торец Школы экономики с апсидой актового зала.

Изображение было довольно четким, хоть и темным.

– Она скоро появится, – прошептал Юхан.

Три часа ночи. Дождевые капли, освещенные фонарем, казались косыми царапинами.

Перед закрытым киоском «Прессбюро» и общественным туалетом со стальной дверью блестел асфальт.

Какой-то мужчина в теплой куртке и желтых резиновых перчатках порылся в урне, прошел вдоль стены с оборванными рекламными объявлениями и полусмытыми граффити и скрылся.

Глухая ночь, дождь льет как из ведра. Город обезлюдел.

По улице проехал белый фургон.

Трое пьяных прошли в сторону «Макдональдса».

Дождь припустил сильнее, и город сделался еще мрачнее.

На стене, обращенной к пруду, подрагивал бумажный стаканчик.

Вода утекала в решетку уличного стока.

Кто-то вошел в кадр слева, обогнул вход в метро и встал под водосточным желобом, спиной к стеклянной двери.

По Свеавеген проехало такси.

Свет фар скользнул по лицу и светлым волосам.

Йенни Линд.

Жить ей оставалось всего десять минут.

Лицо девушки снова оказалось в тени.

Йона подумал о ее недолгой борьбе: ноги дергались так, что кроссовки упали на землю.

Когда кровь начинает хуже поступить в мозг, удушье не нарастает постепенно, как при задержке дыхания, а ощущается как взрыв. Человека охватывает паника, а потом в глазах делается черно.

Поколебавшись, Йенни шагнула под дождь, повернулась спиной к камере, прошла мимо «Прессбюро», по пешеходной дорожке у пруда и скрылась из кадра.

Камера, установленная на Публичной библиотеке, зафиксировала Йенни с некоторого расстояния.

Картинка была нечеткой, но на лицо и волосы лег свет уличного фонаря. Потом девушка исчезла в слепой зоне у детской площадки.

– Больше у нас про нее ничего нет, – сказал Юхан.

– Ясно.

Йона в задумчивости просмотрел запись еще раз. Йенни явно знала, куда идет. Но медлила ли она из-за дождя или потому, что слишком рано пришла?

Что привело ее на детскую площадку посреди ночи?

Она должна была с кем-то встретиться?

Все это, думал Йона, очень похоже на ловушку.

– О чем задумался?

– Ни о чем, просто пытаюсь удержать первое впечатление. – Йона встал со стула. – В этих записях есть что-то, что сейчас может не иметь для нас значения, а потом окажется решающим... что-то, что мы увидели и почувствовали при первом просмотре.

– Тогда скажи, когда захочешь продолжить.

Юхан разорвал еще один пакетик, запрокинул голову и ссыпал леденцы в рот. Конфеты, лопаясь, зашипели у него между зубами.

Йона смотрел в стенку, думая о маленьких руках Йенни и о белых следах от браслетов.

– Давай следующую запись, – сказал он и сел.

– Тут у нас женщина, которая обнаружила жертву... она появляется на детской площадке всего через несколько минут после убийства.

Камера видеонаблюдения засекла женщину, когда та бежала между рядом припаркованных машин и стеной парка.

Женщина замедлила шаг и оглянулась через плечо, словно ее преследовали.

Дождь стучал по крышам машин.

Женщина пошла быстрее, потом пробежала небольшой отрезок дороги и пропала из кадра: на лестнице, спускавшейся к площадке, была «слепая зона».

– Перескакиваем на пятьдесят минут вперед, – прокомментировал Юхан. – Когда она понимает, что не может спасти повешенную.

На экране компьютера появилось изображение с камеры, направленной на вход в метро. Вокруг стока у пешеходного перехода растеклась большая лужа.

Женщина мелькнула на мокром газоне позади «Прессбюро». Идя по пешеходной дорожке, она, похоже, прижимала к уху телефон. Потом она показалась возле общественного туалета, постояла, опираясь одной рукой о шкаф распределителя, съехала на землю и села, прислонясь спиной к грязной стене.

Закончив разговор, она опустила телефон и сидела, неподвижно глядя в дождь, пока не показалась первая полицейская машина.

– Это она вызвала SOS Alarm. Ты слушал запись разговора? – спросил Юхан.

– Пока нет.

Юхан щелкнул по значку аудиофайла, и через секунду на фоне потрескивания послышался спокойный голос оператора: «Что у вас произошло?»

– Я больше не могу. Я пыталась... – хрипло сказала женщина.

Фоновый звук воспроизводил все то, что они только что видели на записи: женщина покидает детскую площадку, идет через газон, садится спиной к стене.

– Вы можете сказать, где находитесь? – спросил оператор.

– Тут девушка – по-моему, мертвая... боже мой, ее повесили, я пыталась приподнять ее... мне никто не помог, и я...

Голос прервался, женщина заплакала.

– Можете повторить?

– У меня просто сил больше не осталось, – всхлипнула женщина.

– Скажите, где вы находитесь. Только так мы сможем помочь.

– Свеавеген, что ли... у пруда в... как его... в парке при Обсерватории.

– Видите что-нибудь знакомое?

– Киоск «Прессбюро».

Оператор службы спасения пытался говорить с женщиной и дальше, пока в парк не придет первая полицейская машина, но женщина перестала отвечать ему и опустила руку с телефоном на колени.

Юхан высыпал себе в рот еще леденцов и открыл последний из смонтированных файлов, хранившихся на жестком диске.

– Проверим возможных свидетелей? – предложил он. – В минуты, когда происходило убийство, возле площадки появляются всего три человека.

Очередная камера зафиксировала высокую женщину в белом дождевике по ту сторону Школы экономики, на Кунгстенсгатан. Женщина бросила на землю окурки; огонек вспыхнул и погас. Женщина не торопясь прошла по тротуару и скрылась в «слепой зоне» в две минуты четвертого.

– Она не возвращается, – прокомментировал Йонсон.

Картинка на экране увеличилась, потемнела. Дальняя камера показала бездомную, на которой было несколько слоев теплой одежды. Бездомная появилась за Библиотекой.

– Вряд ли детская площадка оттуда просматривается, но я и бездомную проверил, – сказал Йонсон.

– Хорошо.

Камера показала вход в метро. В пегой темноте позади киоска «Прессбюро» угадывалась фигура бездомной.

– А вот и номер третий, – сказал Юхан.

В кадре между подъемником и входом в метро появился мужчина с зонтиком и черным лабрадором на поводке. Мужчина подождал, пока собака обнюхает основания почтовых ящиков позади «Прессбюро», потом оба прошли мимо туалета и дальше, на дорожку.

Метров через двадцать мужчина остановился и обернулся в сторону площадки.

Время – восемь минут четвертого.

Йенни Линд оставалось жить две минуты. Наверное, в этот миг ей на шею надевали петлю.

Собака тянула поводок, но мужчина замер на месте.

На дорожке появилась бездомная; она порылась в черном мусорном мешке и что-то энергично растоптала.

Мужчина с зонтиком и собакой взглянул на нее и снова повернулся к площадке.

В эту минуту он наверняка видел все, что там происходит, но понять это по его лицу было невозможно.

По Свеавеген, окатив тротуар грязной водой, проехало такси.

В восемнадцать минут четвертого мужчина отпустил поводок, медленно зашагал в сторону и скрылся за «Прессбюро».

– Девушка умерла, а преступник, скорее всего, покинул площадку, – прокомментировал Юхан.

Собака, волоча поводок за собой, не торопясь обнюхивала газон. Лужи пузырились под ливнем. Бездомная снова скрылась в направлении Библиотеки. В двадцать пять минут четвертого мужчина появился снова: голова опущена, с зонтика льет на спину. Он не торопясь зашагал туда, откуда появился.

– Вообще говоря, за это время он успел бы дойти до труп, – заметил Йона.

Собака бежала за хозяином до Свеавеген. У входа в метро он нагнулся и подобрал поводок. Спокойное лицо несколько секунд было отчетливо видно в сером свете, падавшем через стеклянные двери.

– Вы должны найти его. – Юхан остановил запись.

– Сначала, когда он не отреагировал на убийство, я решил, что он слепой. Но нет, он заметил бездомную, когда та появилась на дорожке.

– Он все видел, – прошептал Юхан и взглянул в серые, как лед, глаза Йоны.

16

После ужина Памела не торопясь убрала со стола, навела на кухне порядок и запустила посудомойку.

Допила водку, поставила рюмку на разделочный стол, подошла к высокому окну с перемычками и выглянула вниз, на парк Эллен Кей. Какая-то компания с корзинками для пикника и пледами все еще сидела на лужайке.

Утром волна жары, с самого начала июня разлившаяся над Центральной Европой, вытеснила первые летние дожди. Шведы, зная, что солнечных дней будет немного, в мгновение ока заполнили каждый парк, каждую летнюю веранду.

– Пойду-ка я спать, – сказала Памела. – Чем думаешь заняться вечером?

Мартин не ответил, занятый игрой в телефоне. Возводил столбик из геометрических фигур, пока он не обрушится.

Памела взглянула на бледное лицо мужа. Что-то он сегодня необычно нервозен. Когда она проснулась около восьми утра, он, сгорбившись, сидел на полу.

Памела поставила остывшие остатки в холодильник, взяла тряпку, прополоскала, выжала, протерла стол и повесила тряпку на кран.

– Очень вкусно, – сказал Мартин и, прищурившись, улыбнулся ей.

– Тебе понравилось, я заметила. А что было вкуснее всего?

Мартин испуганно опустил взгляд в телефон. Памела вернулась к мойке, протерла плитку прохладной водой, чтобы навести блеск, выбросила бумажное полотенце, завязала мусорный мешок и вынесла его в прихожую.

Когда она вернулась на кухню, Мартин так и сидел, уткнувшись в телефон. Слышался только шум посудомойки.

Памела налила себе еще водки, села напротив него и открыла маленькую шкатулку.

– Деннис подарил. Красивые, правда?

Она достала сережку с аквамариновой каплей и показала Мартину. Он взглянул на серьгу и зашевелил губами, словно подыскивая нужное слово.

– Я знаю – ты помнишь, что у меня сегодня день рождения... и иногда даришь мне подарки. Я говорила, это совершенно необязательно, но если ты что-то приготовил, то самое время это что-то достать. Я собираюсь лечь и немного почитать, а то я уже устала.

Мартин посмотрел на стол, что-то прошептал, вздохнул и протянул руку по столешнице.

– Я хотел подарить...

Он замолчал и перевел взгляд на окно. Скрежетнув стулом, опустился на пол.

– Все нормально, – успокаивающе сказала Памела.

Мартин заполз под стол и обхватил ее ноги, как ребенок, который хочет, чтобы родители никуда не уходили.

Памела пробежала пальцами по его волосам, допила водку и поставила рюмку на стол. Поднялась, подошла к окну, выглянула на Карлавеген. Взгляд поплыл, и Памеле показалось, что она – отражение в неровном оконном стекле.

Она снова подумала о своей переписке с чиновниками из социальной службы. Похоже, на первом этапе все улажено. По мнению соцработника, Памела ведет экономически и социально стабильную жизнь, кабинет у них в доме можно переделать в спальню, а начальник Памелы подтвердил, что она сможет взять отпуск, чтобы встречаться с представителями социальной службы, школы и клиники.

Уже послезавтра Памела и Мия созвонятся по скайпу, чтобы, как выразилась соцработница, «прощупать друг друга».

Мартин подполз к своему стулу. Глядя на стоявшую у окна Памелу, он думал, что почти год хотел купить ей жемчужное ожерелье, но так и не решился. Вместо ожерелья он купил сегодня пятнадцать красных роз, но ушел из магазина с пустыми руками – понял, что мальчики хотят, чтобы эти розы положили им на могилу.

– Послушай, – позвал Мартин.

Он видел, что Памела, прежде чем обернуться, вытерла слезы. Ну как объяснить ей, что он боится отмечать дни рождения – тогда и мальчики захотят отмечать свои.

Если он купит Памеле подарок, они начнут завидовать.

А когда говоришь о еде, они хотят грудь.

Мартин сознавал, что это навязчивые мысли. Но если ему случалось заговорить, он каждый раз обрывал себя: кто знает, как мальчики отреагируют на его слова.

Он понимал, что причина его мыслей – автокатастрофа, в которой он потерял родителей и обоих братьев.

Мартин никогда не верил в призраков, но каким-то образом призвал их в свою жизнь, потеряв Алису.

Теперь мальчики свободно бродили в его действительности, трогали Мартина холодными пальцами, толкали его, кусались.

Он научился быть осторожным, научился не привлекать их внимания, не сердить их.

Если Мартин произносил чье-нибудь имя – они хотели это имя себе, все равно какое. Если он упоминал какое-нибудь место, они хотели, чтобы их там похоронили.

Но пока Мартин соблюдает правила, они спокойны. Они недовольны, но не злятся.

– Лучше выведи Бродягу сейчас, – сказала Памела в никуда, словно сомневалась, что он ее слушает. – Мне не нравится, когда вы выходите посреди ночи.

Надо как-то сказать ей про розы, не привлекая к себе внимания. Может, она завтра сама их заберет в магазине? И поедет с ними на работу.

– Мартин, ты меня слышишь?

Надо что-то ответить или кивнуть, но Мартин молча смотрит жене в глаза. Она назвала его по имени. Плохо.

– Ну ладно, – вздохнула Памела.

Мартин вышел в прихожую, включил свет и снял с крючка поводок.

Он сегодня весь день странно вздрагивает.

Как будто внутри у него кто-то ворочается.

Может, он болеет. Или просто устал.

Вчера Бродяге понадобилось выйти посреди ночи. Когда они вернулись, Мартин дрожал всем телом, пришлось принять тридцать миллилитров валиума. Сейчас Мартин не помнит, что произошло, но мальчики пришли в ярость и заставили его остаток ночи просидеть на полу.

Раньше такого не было.

Мартин звякнул поводком и вошел в гостиную. Бродяга его не услышал – спал себе в кресле, как всегда. Мартин опустился на колени, осторожно разбудил его и прошептал:

– Ну что, пошли?

Пес поднялся, зевнул, встряхнулся и последовал за Мартином в прихожую.

На самом деле пса звали Бро, но он постарел, сделался вялым, и они прозвали его Бродягой.

У черного лабрадора так болели суставы, что он больше не мог подниматься по лестницам. Пес почти все время дремал, не особенно приятно пахнул, стал глуховат и подслеповат, но все еще любил долгие прогулки.

В ванной Памела примерила серьги и снова сняла их. Вернулась в спальню и поставила шкатулку на ночной столик. Уселась в кровати, выпила водки, открыла книжку, закрыла и позвонила Деннису.

– С днем рождения, – сказал Деннис.

– Ты что, спал? – спросила она и отпила водки.

– Да нет, работаю сию. Мне завтра в Йёнчёпинг.

– Спасибо за подарок, – сказала Памела. – Невероятно красивые! Но это все-таки перебор, сам понимаешь. Да?

– Ну, когда я их увидел, то подумал – может, ты станешь их носить. Потому что они похожи на слезы.

– Я их уже примерила. Потрясающие. – Памела отпила еще водки и поставила рюмку на столик.

– Как Мартин?

- Неплохо. С собакой гуляет, ему это на пользу.
- А ты-то как? Сама?
- Я справлюсь.
- Ты всегда так говоришь.
- Потому что это правда. Я сильная, я всегда со всем справлялась.
- Но не обязательно же...
- Хватит.

Она услышала, как Деннис устало вздохнул, выключил компьютер и отставил его в сторону.

- Ты не меняешься.
- Извини...

Деннис всегда говорил «ты не меняешься». Чаще – с восхищением, но иногда эти слова звучали как критика.

Памеле вспомнился день, когда Алисе исполнилось шестнадцать. Вечером Мартин приготовил пасту с креветками и пармезаном, и Деннис со своей девушкой остались ужинать.

Деннис подарил Алисе бусы, купленные на базаре в Дамаске, и сказал, что она – вылитая мама, когда Деннис познакомился с ней в гимназии.

- Она была такая классная! Девчонки красивее я еще не видел.
- Но потом было много макарон и кесарево сечение. – Памела похлопала себя по животу.
- Ты не изменилась.
- Ладно, ладно, – рассмеялась она.

Памеле вспомнилось, как они говорили о детях, как она рассказывала, что не боится ничего, кроме новой беременности. Шестнадцать лет назад роды чуть не закончились смертью и для нее, и для Алисы.

В последовавшей за этими словами короткой тишине все взгляды обратились на Мартина. Памела помнила: Мартин никогда не скрывал, что Алиса – единственный ребенок, о котором он мечтал.

- Ты что-то замолчала, – сказал Деннис.
- Извини. Я вспомнила день, когда Алисе исполнилось шестнадцать, – ответила Памела.

17

Поздним вечером в среду в Эстермальме было тихо и пусто, хотя тепло еще разливалось в воздухе. Мартин с Бродягой шли по широкой аллее между двумя проезжими полосами Карлавеген.

Слышно было только, как хрустят камешки под ногами.

Между старинными фонарями густела темнота.

Мартин с псом гуляли уже полтора часа: Мартин разрешал Бродяге обнюхать все, чего душа пожелает, и не торопясь задрать лапу на все важные для пса объекты.

Мальчики обычно не удосуживались следить за ним, когда он выгуливал собаку. Они предпочитали дождаться Мартина дома, потому что знали: он вернется.

Обычно они прятались в гардеробной – так они могли подсматривать через щели в реечных дверях. Под потолком, далеко за одеждой, располагалось старое вентиляционное отверстие. Маленький жестяной люк, положение которого можно было регулировать шнуром.

Наверное, именно этим путем мальчики и проникали в дом.

Когда Мартин в последний раз перед больницей был в командировке – следовало проконтролировать качество работ, – они изрезали ему лицо. Связали в гостиничном номере скрученными полотенцами, растоптали бритвенный станок и достали лезвие. Когда им наскучило

резать его, Мартин поехал в травмпункт, где ему наложили одиннадцать швов. Памеле он сказал, что споткнулся и упал.

– Ну что, домой? – спросил Мартин.

Возле гимназии «Эстра Реаль» они повернули и двинулись в обратном направлении. Висячий фонарь раскачивался на ветру. Белый свет пронизывал листву и подвижными трещинами ложился на тротуар.

Мартин вдруг как наяву увидел серебристо-серое озеро. Солнце лежит на верхушках елей, гулко потрескивает лед. У Алисы покраснели щеки, она говорит, что места красивее она в жизни не видела.

Вдали взвизгнули тормоза – покрышки проскрипели по асфальту.

Мартин обернулся вправо, увидел такси. Машина стояла всего в метре от него. Водитель жал на кнопку в центре руля и, похоже, ругался.

Раздался протяжный гудок, и Мартин сообразил, что стоит посреди Сибиллегатан.

Он пошел дальше; такси, взвизгнув покрышками, сорвалось с места.

Иногда в голове у Мартина всплывали воспоминания об Алисе.

И эти воспоминания причиняли ему ужасную боль.

Мартину не хотелось вспоминать, не хотелось говорить о произошедшем, хотя он знал, что Памела нуждается в его словах.

Домой Мартин вернулся в час ночи. Запер дверь, накинул цепочку, вытер Бродяге лапы, покормил его на кухне.

Мартин постоял на коленях, обнимая старого пса, проследил, чтобы тот наелся и напился, после чего отвел собаку в гостиную, на кресло.

Когда Бродяга уснул, Мартин пошел в ванную. Почистил зубы, умылся.

Сейчас он ляжет рядом с Памелой. Прошепчет, что скучает по ней. И сожалеет, что разочаровал ее в день рождения.

Мартин осторожно вошел в темную спальню.

Памела выключила лампочку, под которой читала. Книга и очки лежали на прикроватном столике.

Лицо бледное, дышит со свистом.

Мартин посмотрел на дверь гардеробной, на темноту за горизонтальными рейками.

Когда он обходил кровать, шторы слегка колыхались от ветерка.

Памела вздохнула и повернулась на бок.

Отгибая одеяло, Мартин не сводил взгляда с реечной двери.

Из глубин гардеробной донесся слабый скрип. Вентиляционный люк открылся, понял Мартин.

Кто-то из мальчиков сейчас проберется в дом.

Мартин не сможет спать здесь.

Он взял со своего ночного столика упаковку валиума и медленно попятился в коридор. Он не спускал глаз с двери гардеробной и для опоры придерживался за стену. Обернулся он, только когда пальцы наткнулись на дверной косяк. По спине прошла дрожь. Мартин вышел в прихожую, перешагнул через валявшийся на полу поводок и двинулся дальше, к гостиной.

Там он включил напольную лампу; комната осветилась.

Бродяга спал в своем кресле.

Мартин прошел по скрипучему паркету, увидел в темном стекле балконной двери собственное отражение.

Сзади что-то задвигалось.

Мартин, не оборачиваясь, подался в сторону, чтобы видеть, что происходит в прихожей. За спиной у него поблескивала глянцевая дверь ванной.

Мартину показалось, что блестящая поверхность поехала в сторону, и он понял: кто-то открывает дверь.

Детские пальцы выпустили дверную ручку и проворно исчезли в темноте.

У Мартина заколотилось сердце; он обернулся. В темноте прихожей он все-таки разглядел, что дверь в ванную открыта нараспашку.

Мартин задом отступил в угол гостиной и съехал на пол, привалившись спиной к стене.

Отсюда можно наблюдать за окнами, закрытой кухонной дверью и темным проемом, ведущим в прихожую.

Сегодня Мартин весь день пытался справиться с отчаянием.

Ему не хотелось сорвать удочерение Мии, но у него никак не получалось объяснить Памеле, что нейролептики не действуют, потому что мальчики существуют на самом деле.

На журнальном столике, рядом со стопкой бумаги, стоял стакан с сангиной, ручками и грифелями. Иногда Мартин обращался к своим материалам для рисования, чтобы писать записки Памеле, хотя подозревал, что старший мальчик умеет читать.

Так лучше, чем говорить.

Не сводя взгляда с темной прихожей, Мартин проглотил четыре таблетки валиума. Руки у него так тряслись, что он уронил блистер на пол.

Глаза щипало от усталости. Мартин скорчился у стены ярко освещенной гостиной.

Он задремал, и ему приснился солнечный свет. Свет проникал сквозь лед и мерцал на поверхности воды, как желтые облачка.

Пузырьки вокруг него позванивали, словно стеклянные.

Мартина разбудил какой-то скрип.

Звук почти сразу затих. Пульс гулко застучал в ушах: Мартин понял, что это отворилась дверь гардеробной.

Кто-то потушил лампу, и в гостиной стало темно.

Тускло светился синий индикатор телевизора, отчего мебель казалась прихваченной льдом.

Стена с проемом, ведущим в прихожую, была черной.

Ветер раскачивал на балконных перилах застрявший с Рождества обрывок гирлянды.

Мартин вытянул руку и пошарил под диваном, куда он уронил валиум. Таблетки исчезли.

Ему стало ясно: сегодня ночью мальчики не оставят его в покое.

Чувствуя головокружение от таблеток, Мартин подобрался к столику, взял лист бумаги и палочку угля. Надо нарисовать крест и держать его перед собой, пока не рассветет.

Мартин начал рисовать, медленно и тяжело двигая рукой. В темноте он плохо видел, что у него получается. Мартин всмотрелся на рисунок. Перекладина с одного конца вышла длинноватой.

Поколебавшись, Мартин – сам не понимая зачем – пририсовал вторую перекладину.

Из-за валиума ему казалось, что он утратил волю. Мартин снова поднес уголь к бумаге и изобразил рядом с первым еще один столб.

Заштриховал балки и продолжил рисовать, хотя веки у него отяжелели.

Мартин взял новый лист. Крест вышел кривым, Мартин начал заново, но бросил: из прихожей донесся торопливый шепот.

Мартин бесшумно отполз назад, прижался спиной к стене и уставился в темноту.

Вот они, мальчики. Идут.

Один из них случайно задел ногой поводок – звякнули стальные звенья.

Мартин старался дышать потише.

Он вдруг увидел, как в проеме, ведущем в прихожую, что-то задвигалось. В гостиную шагнули две фигуры.

Одному мальчику всего три года, второму лет пять.

В жидком голубом свечении, исходящем от диода телевизора, Мартин видел, как желтоватая, оттенка серы, кожа натянулась на черепах, как она собралась складками под подбородком.

Острые кости выпирают под тканями и оболочками, вырисовываются под кожей, вот-вот прорвут ее.

Мартин взглянул на рисунки, оставшиеся на журнальном столике, но не решился потянуться за ними.

На младшем мальчике были только пижамные штаны в горошек. Он взглянул на старшего и, улыбаясь, повернулся к Мартину.

Медленно двинулся к нему, наткнулся на столик; ручки со звоном посыпались на стекло.

Мартин скорчился на полу.

Малыш остановился перед ним: его фигура едва угадывалась в тусклом свете. Голова немного свесилась вперед. Мартин понял, что мальчик стягивает штаны. Промежность и ноги ему залила струя холодной мочи.

Памела проснулась еще до звонка будильника. Ее трясло, болела голова. Страстно хотелось позвонить на работу и сказать больно, налить в кофейную чашку водки и остаться в кровати.

Часы показывали четверть седьмого.

Памела спустила ноги на пол. Мартина в кровати не было.

Уже выгуливает Бродягу.

Памела натянула халат. Испытала приступ дурноты, но сказала себе, что справится.

Выйдя в прихожую, она увидела на полу поводок и заглянула в гостиную.

Торшер горит, столик стоит косо, под кроватью – пустая упаковка валиума.

– Мартин?

Мартин спал, скорчившись в углу и привалившись к стене. Подбородок собрался гармошкой. От мужа несло мочой, штаны были мокрыми насквозь.

– Господи, что случилось?

Памела бросилась к мужу, обхватила его лицо ладонями.

– Мартин!

– Я заснул, – пробормотал Мартин.

– Идем, я тебе помогу...

Мартин тяжело поднялся, Памела поддерживала его. Идти ему было трудно; Мартин пошатнулся и сел на диван.

– Сколько валиума ты принял?

Мартин не хотел выходить в прихожую; он отворачивался, но Памела не сдавалась, и он последовал за ней.

– Ты же понимаешь, что должен мне ответить, – настаивала Памела.

Мартин остановился возле ванной, провел рукой по губам и опустил глаза.

– Если ты не скажешь, сколько таблеток принял, я вызову «скорую», сию минуту, – резко сказала Памела.

– Всего четыре, – прошептал Мартин, испуганно глядя на нее.

– Четыре? Не шути так.

Она помогла мужу раздеться и повела его в душ. Мартин опустился на шероховатый пол, привалился к кафельной стене и закрыл глаза. На него полилась вода.

Не спуская с Мартина глаз, Памела позвонила в токсикологический центр и сказала, что муж случайно принял четыре таблетки валиума.

Ей объяснили, что если человек в остальном здоров, то доза неопасна. Памела сказала «спасибо» и извинилась за звонок.

Она знала, что Мартин принимает много снотворного и транквилизаторов, но раньше передозировок не случалось.

Вчера Мартин был беспокойнее, чем обычно, и то и дело оглядывался через плечо, словно чувствовал на себе чей-то взгляд.

Памела повесила свой халат на сушилку. Стоя в одних трусах, она намылила мужа, смыла пену и вытерла его.

– Ты же понимаешь, что если ты и дальше будешь так делать, то мы не сможем заботиться о Мии, – напомнила она по дороге в спальню.

– Прости, – прошептал Мартин.

Памела уложила его в кровать и поцеловала в лоб. Сквозь ночные шторы пробивался солнечный свет.

– Спи.

В ванной она загрузила вещи мужа в стиральную машину, прихватила распылитель с чистящим средством, бумажные полотенца и вернулась в гостиную.

Бродяга, дремавший в кресле, поднял на нее глаза, облизал нос и снова уснул.

– А ты сколько валиума принял? – Она погладила пса по голове.

Памела протерла пол там, где сидел Мартин, подвинула столик на место, собрала в стакан рисовальные принадлежности. На краю столика валялись бумаги. Памела взяла лист с черным крестом и увидела под ним еще один, с угольным рисунком, и ей вдруг стало трудно дышать.

Мартин изобразил какую-то мощную конструкцию из двух столбов с двумя перекладинами. С верхней балки свисала человеческая фигура с веревкой на шее. Даже по торопливо сделанному наброску было ясно, что мертвый человек – девушка: платье, длинные волосы скрывают лицо.

Памела взяла рисунок и отправилась в спальню. Мартин не спал; он сидел в кровати.

– Как ты себя чувствуешь?

– Устал.

– Я нашла вот это, – спокойно проговорила Памела и показала ему рисунок. – И подумала – вдруг тебе захочется что-то сказать.

Мартин покачал головой и бросил тревожный взгляд в сторону гардеробной.

– Это девушка? – спросила Памела.

– Не знаю, – прошептал Мартин.

18

Отделение судебной медицины при Каролинском институте размещалось в здании красного кирпича с голубыми навесами. Яркое солнце щедро освещало грязные потеки на окнах. Флаг расслабленно свисал с флагштока возле отделения нейробиологии, расположенного напротив, через дорогу.

Йона уже побывал на Северном кладбище, оставил там цветы.

Свернув на парковку возле отделения судебной медицины, он увидел, что белый «ягуар» Нолен, против обыкновения, вписался в прямоугольник. Йона поставил свою машину рядом.

Кто-то, как всегда, выставил садовые стулья в защищенный от ветра угол, образованный крыльями здания.

Поднявшись по бетонным ступенькам, Йона открыл синюю дверь.

Нолен – профессор судебной медицины Каролинского института и один из европейских светил в этой области – ждал его в коридоре возле своего кабинета.

Фриппе, его прежний ассистент, присоединился к музыкальной группе и уехал в Лондон, однако Нолен говорил, что новая ассистентка, Шая Абулена, ничуть не хуже, хотя и не любит тяжелый рок.

– Звонила Марго. Она говорит, ты не имеешь отношения к расследованию, – вполголоса заметил Нолен.

– Это ошибка.

– Ну ладно. Истолкую твой ответ в том смысле, что ее слова не совсем соответствуют истине, а не в том смысле, что ты решил, будто ошибочно не допускать тебя к расследованию.

Нолен открыл дверь и впустил Йону в кабинет. За компьютером Нолен сидела молодая женщина в потертой куртке из черной кожи.

– Это Шая, моя новая коллега, – объявил Нолен с преувеличенно церемонным жестом.

Йона пожал женщине руку. У Шай было серьезное узкое лицо с резко очерченными бровями.

Все трое вышли в коридор; Шая на ходу надела медицинский халат и спросила:

– Так что там насчет расследования?

– По-моему, у нас есть свидетель... и очень странно, что он до сих пор не дал о себе знать, – начал Йона.

– Что насчет расследования? – повторила она.

– Я жду результатов вскрытия.

– И зачем они вам? – ухмыльнулась Шая.

– Как думаете, сколько времени вам потребуется? – спросил Йона.

– Два дня, – сказал Нолен.

– Если мы немножко схалтурим, – прибавила Шая.

Нолен потянул тяжелую дверь и впустил их в прохладный зал с четырьмя секционными столами из нержавеющей стали. Свет люминесцентных ламп отражался от вытертых поверхностей моек и поддонов.

Йенни Линд, полностью одетая, лежала на самом дальнем столе.

Съжившаяся, неподвижная, она не казалась спящей.

Пока Нолен и Шая надевали защитные комбинезоны, Йона подошел к телу.

Светлые волосы отведены от бледно-серого лица.

Йона рассмотрел нос, маленькие проколотые уши без сережек.

Через губы тянулся старый шрам – Йона помнил его еще по времени поисков.

Сейчас глаза Йенни вылезли из орбит, пожелтели.

Глубокая борозда вокруг шеи налилась сине-черным.

Йона наблюдал, как Нолен разрезает и складывает в пакеты куртку и платье девушки.

Шая фотографировала, вспышка отражалась от металлических поверхностей.

– Криминалисты из Норрмальма, работавшие на месте преступления, определили момент смерти как три часа десять минут утра, – сказал Йона.

– Не исключено, – пробормотал Нолен.

Шая сфотографировала Йенни в лифчике и колготках, и Нолен продолжил.

Еще несколько снимков, уже в одних трусах, после чего белье сняли с трупа и сложили в пакет.

Йона взглянул на обнаженную девушку, на узкие плечи и маленькую грудь. Светлые волосы на лобке; бритые ноги и подмышки.

Худенькая, но не истощенная. Внешних признаков плохого обращения тоже нет.

На бедрах и выше пояса, по бокам, уже начал проступать бурый венозный рисунок.

Руки и пальцы ног приобрели сине-красный цвет.

Трупные пятна всегда проступают сначала на конечностях. Когда труп висит, первым делом темнеют ноги, руки и внешние половые органы.

– Что думаете, Шая? – спросил Йона.

– Что я думаю? – Шая опустила фотоаппарат. – Что же я такое думаю? Думаю, что, когда ее вешали, она была жива... так что дело не в том, чтобы выставить напоказ мертвое тело, как иногда случается... да и выбор места говорит о многом.

– И что, по-вашему, он означает?

– Ну, не знаю... что это убийство – показательное... но без претензий.

– Это уже само по себе претензия, – заметил Йона.

– Убийство, имитирующее казнь, – кивнула она.

– Я вижу – кончики пальцев содраны: в те несколько секунд, что девушка оставалась в сознании, она пыталась ослабить петлю... но других признаков насилия или физического принуждения нет, – заметил Йона.

Шая что-то буркнула, снова подняла фотоаппарат и принялась снимать каждую деталь трупа. От резких вспышек тени всех троих то и дело ложились на стены, тянулись до потолка.

– Нолен? – позвал Йона.

– Что скажет Нолен? – Патологоанатом поправил очки на переносице. – Обычно я начинаю с того, что всем уже известно... Причина смерти – как следствие того, что жертву подняли на веревке – двустороннее сдавливание сонных артерий, что привело к тому, что кислород перестал поступать в мозг.

Глубокая борозда от веревки на тонкой шее имела вид иссиня-черной стрелы. Нолен потрогал горло, чтобы определить, насколько глубоко трос врезался в кожу.

– Голый стальной трос, – пробормотал Нолен.

Тот факт, что лебедка работает за счет сцепления зубчатых колес, большого и поменьше, не позволяет в принципе исключить ни одну категорию преступников, подумал Йона.

– Навить трос на барабан мог бы и ребенок, – заметил он.

Йона взглянул на лицо девушки, представил себе ее страх. Вот петля обхватила горло. Пот стекает по бокам, ноги дрожат. Она искала выхода, не пытаясь бежать – может, просила пощады, надеялась, что в последнюю секунду ее, если она будет послушной, помилуют.

– Хочешь, чтобы мы ненадолго вышли? – тихо спросил Нолен.

– Да. Спасибо, – ответил Йона, не спуская глаз с Йенни.

– Пять минут, как обычно?

– Мне хватит.

Йона смотрел на труп девушки, слушая, как удаляются шаги коллег по пластиковому покрытию пола, как открывается, а потом закрывается дверь.

В просторной секционной воцарилась тишина. Йона шагнул к столу, чувствуя исходящий от мертвого тела прохладный воздух морозильной камеры.

– Как плохо все обернулось, Йенни, – тихо сказал он.

Йона отлично помнил первые дни после исчезновения девушки. Он тогда вызвался поехать в Катринехольм, помочь в проведении предварительного расследования, но шеф полицейского округа вежливо отклонил его предложение.

Нет, Йона не воображал, будто спасет Йенни. Но ему хотелось бы сказать самому себе, что тогда, пять лет назад, он сделал все, что в его силах.

– Я найду того, кто убил тебя, – прошептал он.

У Йоны не было привычки раздавать обещания. Но он смотрел на Йенни Линд – и не понимал, с чего какому-то человеку вздумалось умертвить ее там, на детской площадке.

Как будто ничего другого не оставалось.

Кто этот человек, не знающий милосердия? Откуда это желание перекрыть Йенни все выходы? Кто накопил в себе столько жестокости?

– Я найду его, – пообещал Йона мертвой девушке.

Он обошел тело, вглядываясь в каждую подробность: гладкие колени, вытянутые щиколотки, маленькие пальцы на ногах. Медленно обходя секционный стол, он пристально рассматривал тело – и тут услышал, что Нолен и Шая вернулись.

Тело перевернули на живот; снова началось тщательное фотографирование.

Нолен отвел светлые волосы на затылке девушки, чтобы Шая сняла место, где был узел петли.

Стальная поверхность стола отразила вспышку и сделалась как окно, сквозь которое льется свет. Тело на миг превратилось в черный силуэт.

– Погодите, – сказал Йона. – У нее седина... Я заметил, когда вы фотографировали... вот здесь.

И он указал на пятно на затылке Йенни.

– Да, посмотри, – ответил Нолен.

На затылке, прямо над шеей, виднелась бесцветная прядь. Рассмотреть ее в белокурых волосах было почти невозможно.

Нолен триммером срезал белые волоски у корней и сыпал их в пластиковый пакетик.

– Изменение пигментации, – пробормотала Шая, запечатывая пакет.

– Повреждение волосяных фолликулов, повлиявшее на цвет, – добавил Нолен.

Он бритвой соскреб оставшуюся на месте волос щетинку, взял с письменного стола лупу и передал ее Йоне. Тот склонился над трупом и стал изучать бледно-розовую кожу, узор потовых желез, волосяные мешочки и уцелевшие после бритья волоски.

Перед ним было не естественное повреждение кожи, а нечто вроде татуировки в виде затайливо выписанной «Т». Ранка заросла неправильно, и верхняя перекладина немного перекосилась.

– Ее клеймили жидким азотом. – И Йона передал лупу Шае.

19

Йона закрыл дверь кабинета, но до него все равно доносились разговоры коллег в кухоньке по ту сторону коридора и тихое гудение принтера. Рукава голубой рубашки натянулись на руках и плечах. Пиджак Йона повесил на спинку стула, а «кольт-комбат» с наплечной кобурой запер в сейф.

Солнечный свет сквозь окно косо падал на его щеку и серьезный рот. Глубокая морщина между бровями осталась в тени.

Йона оторвался от монитора и перевел взгляд на единственную фотографию на голой стене. Увеличенное изображение затылка Йенни Линд.

Белая «Т» с широким основанием и раскинутыми «руками» светилась на коже.

Йоне случалось видеть холодное клеймение племенных лошадей: тавро охлаждали жидким азотом и прижимали к лошадиной шкуре. Шерсть на этом месте потом отрастала, но уже бесцветная. Азот повреждает ответственную за пигментацию часть волосяного мешочка, не проникая глубже и не пресекая роста волос.

Если бы дело вел Йона, стены его кабинета очень скоро покрылись бы фотографиями, списками имен и улик, распечатками лабораторных отчетов и картами с булавками.

Изображению белого знака предстояло сделаться ступицей в огромном колесе, которым становится любое предварительное расследование.

Йона снова повернулся к компьютеру и вышел из базы данных Европола. Он много часов посвятил тому, чтобы отыскать какую-нибудь связь холодного таврения с реестром судимостей, базой данных подозреваемых, а также содержащихся под наблюдением лиц, и с реестром Коллегии судебной медицины.

Нигде ничего.

Но Йона был убежден: убийца еще не закончил.

Он поставил клеймо своей жертве на затылок – и использует тавро еще не раз.

Пробы, которые криминалисты взяли на месте преступления, сейчас изучают в Национальном центре судебной экспертизы в Линчепинге.

Патологоанатомы только-только приступили к вскрытию.

Следовательская группа из Норрмальма пытается отследить лебедку, а также людей, в чьем распоряжении имеются инструменты для таврения.

Арон допросил Трейси Аксельсон – женщину, которая обнаружила жертву. Согласно протоколу допроса, Трейси описала бездомную с «кулоном» – крысиным черепом на шнурке. Свидетельница все еще пребывала в состоянии шока и сначала утверждала, будто Йенни убила эта женщина, однако потом передумала и раз двадцать повторила, что женщина просто в упор глядела на нее, не делая никаких попыток помочь.

Полицейские отыскивали бездомную, допросили и проверили ее ответы по записям с камер видеонаблюдения, отсмотрев кадры, где она появлялась. Было очевидно, что бездомная появилась на детской площадке еще до убийства и должна была что-то видеть.

Бездомная не смогла ответить, что она делала возле лазалки, когда Трейси обнаружила жертву. Арон полагал, что она топталась там, чтобы стащить вещи Йенни Линд.

Следы были зыбкими, как морская поверхность.

Загадка еще даже не начала облекаться в слова.

Предварительное расследование застряло на той вызывающей раздражение стадии, когда для продолжения требуется один-единственный шаг.

Если не считать того, что у полиции есть свидетель, подумал Йона.

Мужчина, который стоял, обернувшись к детской площадке, и видел повешение от начала до конца. Только однажды он отвел взгляд – когда посмотрел, как бездомная топчет картонку.

Ровно в десять минут четвертого мужчина перевел взгляд на детскую площадку, но внешне никак не отреагировал на увиденное.

Возможно, он оцепенел от шока.

Совершенно утратить способность действовать при виде чего-то кошмарного или непонятного – вполне в природе человеческой.

Мужчина просто стоял и смотрел, пока совершалось повешение; потом убийца покинул место преступления. Лишь тогда мужчина стряхнул с себя оцепенение, медленно приблизился к лазалке и ненадолго скрылся в слепой зоне.

Этот человек видел все.

Шагая по коридору, Йона думал о родителях Йенни Линд. Сейчас они, наверное, уже знают, что тело дочери обнаружено. Йона словно наяву видел, как они слабеют, как их отпускает напряжение, которого они давно уже не осознавали.

Скорбь вдруг стала чем-то конкретным, всеобъемлющим.

И навсегда – пронзительное чувство вины: они отказались искать дальше и утратили надежду.

Постучав в открытую дверь, Йона шагнул в просторный кабинет начальницы. Марго сидела за столом, держа перед собой развернутую «Афтонбладет». Ржаного цвета волосы заплетены в толстую косу, светлые брови подкрашены темно-коричневым карандашом.

– Ну и херня, иначе не скажешь, – вздохнула она и подвинула газету Йоне.

Весь разворот занимала сделанная дроном фотография, на которой Йенни Линд еще не успели вынуть из петли.

– Очень плохо, что ее родители увидели фотографию, – вполголоса сказал Йона.

– Главный редактор утверждает, что это общественно значимая информация.

– Что пишут?

– Так, всякие домыслы, – вздохнула Марго и бросила газету в мусорную корзину.

На столе рядом с кружкой кофе лежал телефон Марго. На темном экране виднелись серые овалы – отпечатки ее пальцев.

– Это не единичное убийство, – сказал Йона.

– Да нет, очень даже единичное... и тебе это известно, потому что, насколько я понимаю, ты, несмотря на прямой приказ, не бросил дело. Карлосу пришлось уйти из-за тебя. Как потвоему, я тоже хочу остаться без работы?

– Полиции Норрмальма нужна помощь... Я читал их протокол допроса – там полно белых пятен, Арон слушает вполуха, он упускает, что слова – это лишь часть информации.

– Значит, информация, которую я даю, словами не исчерпывается? Что же именно я говорю?

– Не знаю, – вздохнул Йона и направился к двери.

– Потому что хреновый из тебя Шерлок Холмс, – сказала Марго ему в спину.

Йона, не оборачиваясь, остановился в дверях и ответил:

– Надеюсь, у твоего тестя ничего серьезного.

– Ты что, следишь за мной? – без тени шутки в голосе спросила Марго.

Йона повернулся и посмотрел ей в глаза.

– Юханна и твоя младшая дочь с ним уже больше недели.

Марго покраснела.

– Я хотела, чтобы об этом никто не узнал.

– Ты всегда приезжаешь сюда на машине, паркуешь ее в гараже. Но сегодня туфли у тебя немного запахались, потому что ты шла от метро через Крунубергспаркен пешком. А когда мы виделись в среду вечером, на куртке у тебя не было лошадиных волос... Я подумал, что причина, по которой Юханна взяла машину, должна быть довольно веской, ведь на машине ты возишь старших девочек на конную базу Вермдэ... и никогда не пропускаешь, для тебя это важно, ты сама в детстве была лошадицей... и машину Юханна забрала не из-за маминой болезни, потому что ее мать живет в Испании.

– Урок верховой езды был вчера, – сказала Марго. – Почему ты утверждаешь, что они у отца Юанны уже неделю?

– Юханна помогает тебе с ногтями, у тебя каждый второй четверг свежий маникюр... но сейчас ногти на правой руке накрашены не так ровно.

– Левой рукой у меня не получается, – проворчала Марго.

– На экране телефона возле твоих отпечатков обычно бывают маленькие пальчики, потому что Альва часто берет его, но сейчас там только твои отпечатки... поэтому я и предположил, что она уехала с Юханной.

Марго сжала губы, откинулась на спинку стула и посмотрела на Йону.

– Жульничаешь.

– Как скажешь.

– А вдруг я не поддамся твоему очарованию?

– Какому?

– Йона, я не хочу грозить тебе дисциплинарным взысканием, но если...

Йона закрыл дверь и зашагал по коридору к своему кабинету.

20

Стоя у стены, Йона рассматривал снимок замысловато выписанной «Т» – латинской буквы, ведущей свое происхождение от греческой «тау» и финикийской «тав», которая, в свою очередь, некогда была крестом.

Исчезновение Йенни Линд вызвало резонанс по всей стране, и другие дела, как бывает в таких случаях, ушли в тень. Соцсети бурлили, никто не остался в стороне, в поисках участвовало множество добровольцев, фотографии Йенни Линд были повсюду.

Йона хорошо помнил ее родителей, Бенгта и Линнею Линд, начиная их первой душераздирающей встречей с журналистами и кончая последней, полной горечи, после которой они замолчали.

Через пять дней после похищения новостная программа «Актуэльт» пригласила их в студию. Говорила в основном мать девушки. Голос ее то и дело прерывался от слез, а в самые тяжкие моменты она прикрывала рот рукой. Отец был немногословен, держался сухо и осторожно покашливал каждый раз, как собирался ответить на вопрос. Мать твердила: сердце подсказывает ей, что ее девочка жива.

– Йенни напугана и растеряна, но она жива, я знаю, – повторяла женщина.

В конце выпуска родители обратились к похитителю напрямую.

Полицейские наверняка проинструктировали их насчет того, что говорить, но Йона сомневался, что родители, стоя перед камерами, следовали сценарию.

Они стояли на фоне фотографии Йенни Линд.

Отец старался говорить твердо.

– Это наша дочь, ее зовут Йенни. Она веселая девочка, любит читать... мы очень любим ее, – начал он и вытер слезы.

– Прошу вас, – умоляюще сказала мать, – не делайте зла моей девочке, не надо... Я не должна этого говорить, но если вы хотите денег – мы заплатим, честное слово, мы продадим дом, машину, все, что у нас есть, последнюю мелочь продадим, только бы она вернулась домой, она наше солнце и...

Тут мать зарыдала, закрыв лицо руками. Отец обнял ее, пытаясь утешить, а потом снова повернулся к камерам и дрожащим голосом заговорил:

– Я обращаюсь к похитителю. Знайте: мы все простим, лишь бы Йенни вернулась к нам. Закроем на все глаза и забудем друг о друге.

Интенсивные поиски продолжались несколько недель. СМИ ежедневно сообщали о разных уликах, наводках и о том, что полиции снова не удалось напасть на след.

Правительство Швеции назначило награду в 200 000 евро за информацию, которая поможет отыскать Йенни Линд.

Десятки тысяч тяжелых фур обыскали и проверили их шины на соответствие с отпечатками.

Но несмотря на все ресурсы и потоки информации от населения, расследование так и не двинулось с места, а потом и вовсе заглохло. Родители девушки умоляли полицейских не бросать поисков, но ни одна разработка не дала результата.

Йенни Линд исчезла без следа.

Родители наняли частного детектива, увязли в долгах; им пришлось продать дом, после чего они отказались от всякой публичности и перестали общаться со СМИ.

Йона оторвался от фотографии: у него зазвонил телефон. Подойдя к столу, он взглянул на экран. Нолен.

– Ты звонил уже несколько раз, – раздался в трубке скрипучий голос Нолен.

– Хотел узнать, что там с Йенни Линд, – объяснил Йона и сел за стол.

– Я не должен тебе этого говорить, но мы закончили... как только получим последние данные из лаборатории, я отправлю тебе отчет.

– Есть что-нибудь, что мне надо знать уже сейчас? – Йона потянулся за бумагой и ручкой.

– Ничего особенного, за исключением знака у нее на затылке.

– Ее изнасиловали?

– Физических признаков нет.

– Можешь указать время смерти?
– Безусловно.
– Три часа десять минут – такое время нам сообщили криминалисты.
– Я бы предположил, что она умерла в двадцать минут четвертого, – сказал Нолен.
– Двадцать минут четвертого? – повторил Йона и положил ручку.
– Да.
– Когда ты говоришь «я бы предположил», это надо понимать как «я уверен». – Йона встал.
– Да.
– Я должен поговорить с Ароном, – сказал Йона и нажал «отбой».
С этой минуты на свидетеля с записи следует смотреть как на подозреваемого. Надо объявить его в розыск, может быть, даже общегосударственный.
В три часа восемнадцать минут мужчина отпустил поводок и вошел в слепую зону, по направлению к детской площадке. Так как Йенни Линд умерла две минуты спустя, у мужчины не было времени устанавливать лебедку на лозалке, но он успел бы подойти к ней, покрутить ручку – и в этом случае оказаться именно тем, кто убил девушку.

21

Памела взглянула на часы. Дело шло к вечеру, она осталась в архитектурном бюро одна. На улице стояла такая жара, что конденсат струйками стекал по прохладному оконному стеклу. Через минуту – созвон по скайпу с Мией. Памела допила остатки водки из стеклянной баночки, сунула в рот еще одну мятную конфету, села за компьютер и открыла программу.

Экран потемнел, а потом Памела увидела немолодую женщину в больших очках – представительницу соцслужбы.

Женщина вымученно улыбнулась Памеле и гулким в динамиках голосом стала рассказывать, как проходят такие беседы. Где-то на краю картинки маячила Мия. Розово-голубые волосы свисали вдоль бледных щек девочки.

– Это чего, обязательно? – спросила Мия.

– Садись, – распорядилась соцработница и встала. Мия со вздохом села на стул – так, что в камеру она попала только наполовину.

– Здравствуй, Мия, – начала Памела и широко улыбнулась.

– Здравсьте, – отозвалась Мия, глядя в сторону.

– Ну, я вас покидаю, – сказала соцработница и вышла.

Несколько секунд обе молчали, потом Памела заговорила:

– Я знаю, ситуация довольно странная. Но смысл в том, чтобы мы поговорили, получше познакомились друг с другом – это часть процесса.

– Whatever³, – вздохнула Мия и сдула с глаз прядь волос.

– Ну... как у тебя дела?

– Нормально.

– В Евле жара такая же, как в Стокгольме? Здесь просто парилка, работать сил нет, люди, чтобы выдержать, купаются в фонтанах.

– Жизнь – боль, – проворчала Мия.

– Я сейчас у себя в кабинете, – продолжала Памела. – Я уже говорила, что работаю архитектором? Мне сорок один год, пятнадцать лет я замужем за Мартином, мы живем на Карлавеген в Стокгольме.

– Окей, – отозвалась Мия, не поднимая глаз.

³ Зд.: как хотите (англ.)

Памела кашлянула и откинулась на спинку стула.

– Тебе стоит знать, что у Мартина душевное расстройство. Он хороший человек, но его мучают навязчивые мысли, у него обсессивно-компульсивное расстройство, из-за которого он очень неразговорчив, а иногда у него случаются панические атаки. Но он идет на поправку...

Она замолчала и тяжело сглотнула.

– Мы не идеальные люди, но любим друг друга и надеемся, что ты захочешь жить с нами. Во всяком случае, попробуешь – может, тебе понравится. Что скажешь?

Мия пожала плечами.

– У тебя будет своя комната... с красивым видом на крыши... – Памела почувствовала, что ее улыбка утратила искренность. – Ну а в остальном мы совершенно обычные люди, любим ходить в кино и кафе, любим путешествия и ходить по магазинам... А тебе что нравится?

– Чтобы, когда я сплю, никто не пытался бы меня изнасиловать, вот что мне нравится... Ютуб, ну всякое такое.

– А еда какая тебе нравится?

– Мне пора, – сказала Мия и сделала движение встать.

– У тебя есть друзья?

– Парень, его зовут Понтус.

– У вас с ним отношения? Прости, это не мое дело.

– Нет, – сказала Мия.

– Я просто немножко нервничаю, – призналась Памела.

Мия снова села и сдула с лица прядь.

– Ну а каким ты представляешь себе свое будущее? Кем хочешь работать? О чем мечтаешь?

Мия утомленно покачала головой.

– Извините, но у меня не получится...

– Может, хочешь меня о чем-нибудь спросить? Или что-нибудь мне рассказать?

Девочка подняла глаза и объяснила:

– Со мной тяжело. Я отстойная девица, которую никто не любит.

Памела сделала над собой усилие, чтобы не начать убеждать ее в обратном.

– Скоро мне исполнится восемнадцать, и тогда обществу больше не надо будет делать вид, что ему на меня не наплевать.

– Верно.

Мия озадаченно посмотрела на Памелу, помолчала и спросила:

– Почему вы хотите, чтобы я жила с вами? Вы архитекторша, богатая, живете в центре Стокгольма. Если вы не можете родить ребенка, могли бы удочерить какую-нибудь хорошенькую китайку, правда?

Памела моргнула и задержала дыхание.

– Администратору из соцслужбы я этого не рассказывала, – заговорила она вполголоса. – Когда моей дочери было столько же лет, сколько тебе, я ее потеряла. Я не говорила об этом, потому что не хотела выглядеть странной, не хотела напугать тебя. Конечно, я не верю, что ты заменишь ее... я лишь думаю, что люди, которые многое потеряли, могут помочь друг другу, потому что друг друга понимают.

Мия подалась вперед.

– Как ее звали?

– Алиса.

– Ну хоть не Мия.

– Не Мия, – улыбнулась Памела.

– Что с ней случилось?

– Она утонула.

– Жесть.

Обе помолчали.

– После ее гибели я начала выпивать, – призналась Памела.

– Выпивать, – скептически повторила Мия.

– Вот в этой баночке была водка. Я выпила всю, чтобы набраться духу позвонить тебе. – Памела показала банку.

Она увидела, что Мия немного расслабилась. Девочка откинулась назад и долго наблюдала за лицом Памелы на экране компьютера.

– Теперь понимаю... может, у нас и срастется, – сказала она. – Только вы пить бросайте. И устройте, чтобы у Мартина в голове прояснилось.

Чувствуя себя беспокойно, Памела вышла на жару. Она решила прогуляться, прежде чем идти домой, к Мартину.

Шагая по улице, она снова и снова прокручивала в голове разговор с Мией. Может, не стоило рассказывать про Алису?

Памела достала телефон и набрала номер Денниса. Проходя мимо старого антикварного магазина, она слушала, как плывут гудки.

– Деннис Кранц, – ответил Деннис. Как всегда.

– Это я.

– Прости, я видел, что это ты... но рот сам произносит затверженное. Мышечная память, а не настоящие слова.

– Знаю, – улыбнулась Памела.

Они с Деннисом знали друг друга еще с гимназии – и он до сих пор, отвечая, называл себя полным именем, хотя видел, что звонит Памела.

– Как Мартин?

– По-моему, неплохо. Ночью иногда впадает в беспокойство, но...

– На чудо не рассчитывай.

– Я и не рассчитываю, только...

Памела замолчала. Пропустила велосипедистов и перешла дорогу.

– Что – только? – спросил Деннис, словно прочитав ее мысли.

– Я знаю, ты думаешь, что еще рано, но у нас с Мией состоялся первый разговор.

– Что говорит соцработница?

– Мы успешно прошли первый этап, но рассмотрение дела об опеке еще не окончено, и решение пока не приняли.

– Но ты надеешься, что оно будет в вашу пользу?

– Да. Надеюсь. – Памела взглянула на лужайку, на которой устроились загорать несколько девушек в одном белье.

– Ты не слишком много на себя взваливаешь?

– Ты же меня знаешь. Для меня нет понятия «слишком много», – улыбнулась Памела.

– Если я могу чем-то помочь – только скажи.

– Спасибо.

Памела закончила разговор, прошла аптеку, табачный киоск – и тут краем глаза уловила нечто странное.

Она резко остановилась, повернулась и уставилась на лист «Афтонбладет».

Заголовок гласил: «Палач».

На фотографии была детская площадка в парке при Обсерватории, снятая сверху и наискосок. Полиция обнесла площадку специальной лентой и временной оградой.

Поодаль виднелись несколько машин экстренного вызова.

С лозалки свисала девушка в кожаной куртке и в платье.

Почти все лицо скрыто волосами.
Сердце у Памелы забилося так, что заболело в груди.
Это же рисунок Мартина.
Рисунок, который Мартин набросал ночью.
Почти один в один.
Значит, прошлой ночью он был на площадке, был еще до полиции.

22

На ватных ногах Памела свернула в переулок, прошла мимо желтого мусорного бака и остановилась у какой-то двери.

Любой, кто обнаружил бы мертвую девушку, впал бы в состояние шока.

Теперь Памела понимала, почему Мартин не мог уснуть. Он бродил, носил в себе увиденное, но заговорить не осмеливался.

В итоге он принял большую дозу валиума, и ему удалось сделать рисунок.

Дрожащими руками Памела достала телефон, зашла на сайт «Афтонбладет».

Прежде чем загрузить статью, ей пришлось переждать рекламу «вольво» и двух интернет-казино.

Памела принялась читать, нервно прыгая глазами по строчкам.

Девушку обнаружили на детской площадке в парке при Обсерватории в ночь на среду.

По словам стокгольмского следователя Арона Бека, руководившего расследованием, преступника пока не взяли.

Памела перешла на сайт полиции Стокгольма и попыталась понять, как связаться с Беком.

Рядом с номером экстренного вызова она обнаружила только обычный «112».

Система из нескольких автоответчиков наконец переключила ее на живого человека. Памела объяснила, что хочет поговорить с Ароном Беком насчет убийства на детской площадке.

Продиктовав свои имя и телефонный номер, она убрала телефон в сумку. Было страшно, в горле встал болезненный ком, который не давал глотать. Надо пойти домой, попробовать вытянуть из Мартина рассказ о том, что он видел.

На детской площадке убили девушку.

Пытаясь успокоиться, Памела привалилась к двери и закрыла глаза.

Когда зазвонил телефон, она вздрогнула. Доставая телефон из сумочки, она успела заметить, что номер незнакомый.

– Памела, – выжидательно сказала она в трубку.

– Здравствуйте, меня зовут Арон, я комиссар полицейского округа Стокгольм. Кажется, вы хотели связаться со мной. – Человек говорил так, будто ему скучно.

Памела бросила взгляд на пустой проулок.

– Я только что прочитала в «Афтонбладет» об убийстве на детской площадке... насколько я поняла, расследованием руководите вы.

– Вы что-то хотели сообщить?

– Мне кажется, мой муж кое-что видел, когда во вторник ночью выгуливал собаку... Он не может позвонить сам, потому что у него тяжелое психическое расстройство.

– Нам надо немедленно поговорить с ним. – Теперь Бек заговорил совсем иначе.

– Видите ли, разговаривать с ним очень тяжело.

– Можете для начала сказать, где он сейчас?

– Дома, Карлавеген, одиннадцать. Если это срочно, то я доберусь туда минут через двадцать.

Памела прошла мимо контейнера и свернула на Дроттнинггатан, где ее чуть не сбил какой-то мужчина на электрическом самокате. Памела машинально извинилась.

Она прошла позади Культурного центра, чтобы подняться к Регерингсгатан, но вся Брункебергсторг оказалась перекопана. Пришлось возвращаться на Дроттнинггатан.

Ничего страшного, подумала Памела.

Времени еще много.

Через пятнадцать минут после разговора с полицейским Памела уже бежала вверх по Кунгстенгсгатан. Она задыхалась, блузка прилипла к потной спине. С тяжело бьющимся сердцем она свернула на Карлавеген, где ее взгляду открылись пять или шесть полицейских машин с включенными мигалками.

Машины заблокировали всю улицу и тротуар возле ее дома.

У ворот уже начали собираться любопытные.

Двое полицейских в бронежилетах и с оружием наизготовку прижались к фасаду, еще двое дежурили на тротуаре.

Увидев приближающуюся Памелу, один из полицейских вскинул руку, веля ей остановиться.

Полицейский был низкорослый, со светлой бородой и глубоким шрамом на носу.

Памела, не останавливаясь, кивнула полицейскому: ей надо поговорить с ним.

– Прошу прощения, но я здесь живу, и...

– Придется подождать, – перебил полицейский.

– Я только хочу сказать – меня, наверное, не так поняли. Это я звонила в полицию, чтобы...

Памела вдруг замолчала. Из подъезда донеслись возбужденные голоса, полицейские открыли дверь, и двое других, в шлемах и бронежилетах, выволокли Мартина, одетого в одни пижамные штаны.

– Вы что делаете? – пронзительно закричала Памела. – Совсем спятили?

– Успокойтесь.

– Какое право вы имеете так обращаться с людьми?! Он болен, вы его напугали...

Полицейский со светлой бородкой отодвинул ее в сторону.

Руки у Мартина – испуганного, растерянного – были скованы за спиной наручниками. Из носа текла кровь.

– Кто отдал приказ? – завизжала Памела. – Арон Бек? Позвоните ему, спросите...

– Так, послушайте-ка, – перебил полицейский.

– Я...

– Успокойтесь и отойдите.

Кровь заливала Мартину рот и подбородок.

Молодая женщина – служащая галереи из их квартала – стояла по ту сторону ограждения и снимала происходящее на телефон.

– Вы не понимаете, – заговорила Памела, пытаясь придать голосу хоть какую-то внушительность. – Мой муж психически больной человек, он страдает от тяжелого посттравматического расстройства.

– Если вы не уйметсяь, я и вас арестую, – пообещал полицейский, глядя ей в глаза.

– За что? За то, что я разволновалась?

Полицейские крепко держали Мартина выше локтя. Когда он споткнулся, они приподняли его. Босые ноги болтались над плитками тротуара. Мартин задохнулся от боли в плечах, но ничего не сказал.

– Мартин! – позвала Памела.

Мартин услышал ее, растерянно поискал глазами, но прежде чем он успел определить, где она, ему нагнули голову и усадили в машину.

Памела попыталась пробиться к нему, но полицейский со светлой бородкой не дал ей отойти от кирпичного фасада.

23

В глухой допросной в полицейском участке Норрмальма пахло потом и немытыми полами. Арон Бек рассматривал человека, которого идентифицировали как Мартина Нордстрёма. Лицо в подсохшей крови, из ноздри торчит бумажный тампон. Седые волосы стоят дыбом. Цепочка наручников пропущена через толстую металлическую скобу на столе. Арестованного уже переодели в тюремные футболку и зеленые штаны.

Видеокамера записывала все, что он говорил и делал.

Сначала Мартин отказался отвечать, нужна ли ему поддержка адвоката. Арон повторил вопрос, но Мартин лишь покачал головой.

Теперь оба сидели молча.

Слышалось только тихое жужжание лампы дневного света. Лампа слегка помаргивала.

Мартин то и дело пытался обернуться, словно чтобы проверить, не стоит ли кто-нибудь у него за спиной.

– Смотрите на меня, – сказал Арон.

Мартин повернулся к Арону, мельком взглянул ему в глаза и снова уставился в стол.

– Вы знаете, почему находитесь здесь?

– Нет, – прошептал Мартин.

– В ночь со вторника на среду вы выгуливали собаку, – начал Арон. – Около трех часов утра вы оказались на лужайке возле Высшей школы экономики.

Арон сделал паузу и прибавил:

– Рядом с детской площадкой.

Мартин хотел подняться, но его не пустили наручники. Браслет звякнул, и Мартин резко сел.

Арон подался вперед.

– Не хотите рассказать, что там произошло?

– Я не помню, – еле слышно произнес Мартин.

– Вы помните, что были там?

Мартин покачал головой.

– Но что-то же вы помните? Вот и начните, расскажите, что осталось у вас в памяти. Не торопитесь.

Мартин снова оглянулся через плечо, покосился под стол и выпрямился.

– Мы не выйдем отсюда, пока вы не заговорите, – сказал Арон и вздохнул: Мартин оглянулся в третий раз. – Что вы ищете?

– Ничего.

– Почему вы встали, когда я упомянул детскую площадку у Школы экономики?

Мартин не ответил. Он замер, глядя в какую-то точку рядом с Ароном.

– Поначалу вам может быть трудно, – продолжал Арон. – Но большинству людей становится легче, когда они наконец говорят правду.

Мартин мельком глянул на Арона и перевел взгляд на дверь.

– Мартин, давайте вы лучше будете смотреть на меня, вот я здесь, – предложил Арон и открыл черную папку.

Мартин перевел на него взгляд.

– Помните вот это? – спросил Арон и подтолкнул через стол фотографию.

Мартин откинулся назад с такой силой, что руки вытянулись и кожа на тыльной стороне ладоней сморщилась.

Он быстро задышал, крепко зажмурился.

Фотография представляла собой четкое изображение повешенной. Вспышка осветила ее в подробностях – за секунду до того, как вокруг девушки снова сомкнулась тьма.

Полные света дождевые капли неподвижно повисли в воздухе вокруг Йенни Линд.

Почти все лицо было скрыто мокрыми волосами, цветом напоминавшими полированный дуб. Между прядями угадывались подбородок и открытый рот. Стальной трос врезался в кожу, и кровь текла по шее, отчего платье девушки сделалось почти черным.

Арон забрал фотографию и вернул ее в папку.

Мартин мало-помалу успокаивался.

Он снова наклонился через стол, и руки у него побелели.

Потное бледное лицо, глаза в красных жилках.

Подбородок дрожал, словно Мартин пытался сдержать слезы.

– Это я. Я ее убил, – прошептал он и снова задышал чаще.

– Расскажите своими словами, – предложил Арон.

Мартин помотал головой и стал тревожно раскачиваться взад-вперед.

– Спокойнее. – Арон выдавил дружелюбную улыбку. – Когда вы все расскажете, вам станет лучше, поверьте.

Мартин прекратил раскачиваться и мелко засопел.

– Мартин, что там произошло?

– Не помню. – Мартин тяжело сглотнул.

– Нет, помните. Вы очень бурно отреагировали на изображение жертвы, сказали, что это вы ее убили. – Арон перевел дух. – На вас никто не сердится, но вы должны рассказать, что произошло.

– Да, но я...

Мартин замолчал, оглянулся через плечо, заглянул под стол.

– Вы признались, что убили девушку на детской площадке.

Мартин кивнул и стал тереть цепь наручников.

– Я ничего не помню, – тихо сказал он.

– Но вы помните, что только что признались в убийстве?

– Да.

– Вы знаете, кто она?

Мартин помотал головой и посмотрел на дверь.

– Как вы ее убили?

– Чего?

Мартин пустым взглядом смотрел на Арона.

– Как убили? Как вы убили ту девушку?

– Я не знаю, – прошептал Мартин.

– Вы были один? Или у вас имелись сообщники?

– Не могу сказать.

– Но почему вы ее убили, вы сказать можете? Не хотите мне изложить?

– Я не помню.

Арон с тяжелым вздохом поднялся и молча вышел из допросной.

24

Идя по длинному коридору полицейского участка в Норрмальме, Йона на ходу сунул солнечные очки в кармашек рубашки.

По коридору в разных направлениях сновали полицейские – и в гражданском, и в форме.

Арон Бек подждал Йону возле кофемашины, широко расставив ноги и сцепив пальцы за спиной.

- Ты что здесь делаешь? – спросил он.
- Просто хочу посидеть на допросе.
- Опоздал. Он уже признался. – Арон выдавил улыбку.
- Поздравляю.

Арон откинул голову и посмотрел на Йону.

– Я только что разговаривал с Марго. Она считает, что самое время передавать расследование в прокуратуру.

– По-моему, это несколько преждевременно. – Йона достал из шкафчика чашку. – Ты же знаешь, что он психически нездоров.

– Но он был на месте преступления во время убийства, это доказано. И признался в убийстве.

- А какой у него мотив? Как он связан с жертвой? – Йона нажал на кнопку «эспрессо».
- Говорит, что не помнит.
- Чего он не помнит?
- Ничего, что было в тот вечер.

Йона взял чашку и протянул ее Арону.

– Как в таком случае он мог признаться в убийстве?

– Не знаю, – сознался Арон, принимая чашку. – Но он почти сразу сказал, что убил. Хочешь – посмотри запись.

- Обязательно посмотрю. Но мне бы сначала понять твое мнение о допросе.
- Это в каком смысле? – Арон отпил кофе.
- А ты не мог истолковать его признание неправильно?
- Что значит неправильно? Он сказал: «Я ее убил».
- Что было перед признанием?
- В смысле?
- Что ты сказал ему прямо перед тем, как он сознался в убийстве?
- Теперь меня допрашивают? – Арон скривил рот в улыбке.
- Нет.

Арон поставил пустую чашку в раковину, вытер руки о джинсы и проворчал:

- Я показал ему фотографию жертвы.
- С места преступления?
- У него проблемы с памятью. Я хотел ему помочь.
- Понимаю. Но теперь он знает, что речь идет о повешенной девушке, – сказал Йона.
- Мы топтались на месте. Мне пришлось это сделать, – сухо объяснил Арон.
- Как по-твоему, не могло признание касаться чего-нибудь еще?
- Сейчас ты скажешь, что я ошибся.
- Я только... а вдруг он имел в виду, что косвенно способствовал ее гибели. Например, не сумел спасти.

– Хватит.

– Нам известно, что он не успел бы закрепить лебедку на столбе... Конечно, есть вероятность, что он сделал это раньше, а по лестнице поднялся, чтобы не попасть под камеры. Но тогда непонятно, зачем он потом пошел убивать свою жертву именно этой дорогой.

- Да иди ты!.. Можешь сам с ним поговорить, и тогда...
- Отлично, – перебил Йона.
- Вот поймешь тогда, насколько это легко.
- Он склонен к жестокости или агрессии?

– Он только что совершенно хладнокровно признался в жутком убийстве. Это отвратительно. Я бы его самого на той лебедке подвесил, если бы мог.

25

Йона коротко постучал и вошел в допросную. Рослый надзиратель с черной бородой сидел напротив Мартина и просматривал что-то в телефоне.

– Прервитесь, – предложил Йона и отпустил охранника.

Лицо у Мартина отекло и стало изжелта-бледным. Пробившаяся на щеках щетина придавала ему болезненный вид. Волосы стояли дыбом, светлые глаза были уставшими, в допросной пахло потом. Мартин положил руки на исцарапанный стол и сцепил пальцы.

– Меня зовут Йона Линна, я комиссар Национального бюро расследований, – начал Йона, усаживаясь напротив Мартина.

Мартин еле заметно кивнул.

– Что у вас с носом? – спросил Йона.

Мартин осторожно потрогал нос, и окровавленный тампон упал на стол.

– Вас спрашивали, чем вы болеете, не нужны ли вам лекарства и так далее?

– Да, – прошептал Мартин.

– Я могу снять наручники. Хотите?

– Не знаю. – И Мартин торопливо оглянулся через плечо.

– Вы не будете вести себя агрессивно?

Мартин покачал головой.

– Сейчас я их расстегну. Но я хочу, чтобы вы оставались на своем месте, – предупредил Йона. Он расстегнул наручники и сунул их себе в карман.

Мартин, медленно массируя запястья, перевел взгляд с Йоны на дверь.

Йона положил на стол перед сцепленными пальцами Мартина лист бумаги и стал наблюдать за лицом арестованного. Мартин смотрел на точно воспроизведенное клеймо с затылка Йенни Линд.

– Что это? – спросил Йона.

– Не знаю.

– Посмотрите внимательнее.

– Я смотрю, – тихо сказал Мартин.

– Мне известно, что у вас комплексное посттравматическое расстройство, вам трудно вспоминать и говорить.

– Да.

– Разговаривая с моим коллегой, вы признались в убийстве молодой девушки. Можете сказать мне, как ее звали?

Мартин покачал головой.

– Вы знаете, как ее звали? – повторил Йона.

– Нет, – прошептал Мартин.

– Что вы помните о той ночи?

– Ничего.

– Тогда почему вы так уверены, что убили ту девушку?

– Если вы говорите, что это сделал я, то я хочу признаться и принять наказание.

– Признание – это хорошо, но чтобы оформить все должным образом, мы должны понять, что именно произошло.

– Ладно.

– Вы были там, когда ее убивали, но это еще не делает вас убийцей.

– Я думал – это я, – еле слышно сказал Мартин.

– Значит, не вы.

– Но...

По лицу Мартина потекли слезы, закапали на стол между его рук. Йона дал Мартину бумажное полотенце, и тот тихо высморкался.

– Почему вы так тихо разговариваете?

– Приходится. – И Мартин посмотрел на дверь.

– Вы кого-то боитесь?

Мартин кивнул.

– Кого?

Мартин, не отвечая, в который уже раз обернулся через плечо.

– Мартин, кто-нибудь может помочь вам все вспомнить?

Мартин покачал головой.

– Я имею в виду вашего психиатра из больницы Святого Йорана, – пояснил Йона.

– Может быть.

– Давайте попробуем с его участием. Хорошо?

Мартин еле заметно кивнул.

– У вас часто бывают провалы в памяти?

– Не помню, – пошутил Мартин и опустил глаза, когда Йона рассмеялся.

– Помните, помните.

– Довольно часто, – прошептал Мартин.

Кто-то прошагал по коридору, напевая и гремя ключами. Когда человек с ключами проходил мимо допросной, дубинка случайно стукнула о дверь.

Мартин испуганно дернулся.

– Я считаю, что той ночью вы увидели что-то страшное, – заговорил Йона, не спуская глаз с лица Мартина. – Что-то настолько чудовищное, что вы не смогли думать об увиденном... но мы с вами оба знаем: то, что вы увидели, засело у вас в голове. И я хочу, чтобы вы для начала рассказали то небольшое, что помните.

Мартин сидел, уставившись в стол. Губы шевелились, словно он пытался найти давным-давно потерянные слова.

– Шел дождь, – подсказал Йона.

– Да. – Мартин кивнул.

– Помните, с каким звуком капли падали на ткань зонтика?

– Она стояла, как...

Мартин замолчал: в замке скрежетнул ключ, и дверь распахнулась. В допросную ворвался Арон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.